

ОГОНЁК

№ 1 ЯНВАРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДЕЛА У НАС ИДУТ ХОРОШО

ПО СЛЕДАМ БЕССМЕННОГО ЧАСОВОГО — С. С. Смирнов

ШЕСТЬСОТ НЕВЕСТ И ЖЕНИХОВ

ЗА КУЛИСАМИ СМЕХА

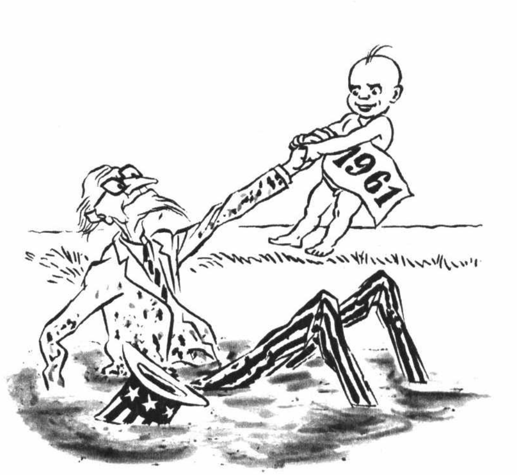

САМОЕ ВАЖ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 1 (1750)

1 ЯНВАРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НОЕ

Редакция «Огонька» попросила меня выступить с новогодними пожеланиями. Пожеланий у меня столько, что я мог бы заполнить ими целый номер журнала. Но так как это едва ли было бы в интересах редакции или читателей, то я ограничусь лишь несколькими, самыми важными.

Конечно, прежде всего мне хочется пожелать, чтобы новый год сохранил мир на Земле. Затем я хотел бы, чтобы в новом году африканские народы продолжали освобождаться от своих поработителей или, еще лучше, выставили их вон из Африки. Я хотел бы также, чтобы в новом году представители великого китайского народа заняли наконец принадлежащее им по праву место в ООН.

Позвольте мне также высказать более, так сказать, локальное пожелание, касающееся Дании. Я хотел бы, чтобы новый год заставил замолчать окопавшихся в НАТО бывших нацистских генералов и офицеров, зычные команды которых все громче разносятся над Данией. Надеюсь, что планы НАТО передать датских солдат в подчинение вчерашним гитлеровцам не осуществятся.

Во имя мирного сосуществования я хотел бы, чтобы новый год помог дяде Сэму вылезти из помойной ямы, в которую он провалился с эйзенхауэровской политикой засылки шпионских самолетов «У-2». Ведь американский народ стремится к миру!

Мне хочется также пожелать, чтобы в новом году великие державы встретились для новых переговоров на высшем уровне. И пусть эти переговоры приведут к запрещению атомного оружия и к полному разоружению.

Наконец, в заключение я хочу пожелать Советскому Союзу продолжать стремительное движение вперед во всех областях жизни. Это относится, вполне естественно, и к читателям «Огонька», которым я желаю счастливого и радостного нового года.

Херлуф БИДСТРУП

Хорсемосегорд, Лиллерод,
Дания

С Новым годом, товарищи!

Мих. АЛЕКСЕЕВ

У советских людей много хороших традиций. Одна из них — помянуть добрым словом минувший год и только уж потом поднять чарку за год новый, наступивший вот только сейчас, в последнюю эту минуту. Что же касается нашего 1960-го, то было бы не только не учтиво, а прямо-таки грешно не произнести в его честь тоста самого сердечного и самого пламенного. Скажем прямо: хорошо потрудился он для всех нас, настолько хорошо, что с ним расстаешься с известной грустью; и грусть наша была б, вероятно, сильнее, ежели б не твердая уверенность в том, что идущий ему на смену год 1961-й окажется работником столь же, а может быть, и еще более трудолюбивым и напористым и достойно пронесет эстафету к финишу, то есть к рубежу, где в нетерпеливом ожидании встретит его год 1962-й, четвертый год великого семилетия.

Однако мы забежали вперед и не сказали всего, что хотелось бы сказать о 1960-м годе. Впрочем, а что же скажешь, когда простое перечисление всех событий и всего содеянного в минувшем году, наверное, составило бы несколько объемистых томов, а тут небольшая журнальная статья?..

Миллионы лет существует, живет среди иных звездных миров наша планета, которую мы, как полагается ее детям, называем лучшей из всех планет и которую нарекли красивейшим именем — Земля. Один год в долгой жизни Земли — всего лишь миг, мгновение. Казалось бы, что можно успеть сделать за один миг, когда было время и за сотни лет Земля не сумела сколько-нибудь заметно изменить свое обличье! Тысячелетия за тысячелетиями проходили, а, скажем, такие реки, как Волга, Обь, Ангара, Днепр, меняя названия, сами почти нисколько не изменялись, мчали и мчали свои стремительные воды к морям и океанам, а человеку даже в мыслях не было, что можно обуздать эту грозную в слепом своем могуществе стихию, взнуздать, как некогда дикого коня, укротить, приручить и заставить работать на себя.

Родившийся на Волге и, как все волжане, мерявший все мерою этой русской реки, ее ширью, ее размахом, ее разливами, реки, которая с самых детских лет приучала нас мечтать, я мог поверить в любые чудеса, кроме одного: ежели бы мне, мальчишке, сказали, что Волга будет перехвачена плотиной, и не в одном, а в нескольких местах, я б ни за что на свете не поверил. Однако ж теперь это уже совершившийся факт. И самое, пожалуй, для меня удивительное в том факте, что я нисколько ему не удивился, а почел как за само собой разумеющееся. И то, что в минувшем году Сталинградская ГЭС заработала на полную проектную мощность и по жилам проводов, как по артериям, горячей, животворящей кровью хлынули мощные струи электрического тока,— и это я воспринял как должное.

Был у меня в детстве дружок Василий. Нам было тогда лет по десяти. Я учился. Василий в школу не ходил, считая это ненужным; его родители, верно, придерживались того же убеждения; во всяком случае, мой приятель не получал от них соответствующего внушения ни словами, ни действием. Лежим, бывало, с Васькой на сеновале, глядим в ночное небо и фантазируем. Васька упрямо донимает меня:

— Вот ты говоришь, что Земля крутится. А я не верю.

— Почему?

— Ежели б она крутилась, мы б с тобой давно в Саратове были.

И как я ни старался переубедить Василия, мало преуспел в этом. Но прошло тридцать лет (много ли?), Василий стал ученым, работает в одной из обсерваторий. Это он наблюдал за удивительными космическими путешественниками и в 1957-м, и в 1958-м, и в 1959-м, и в 1960-м годах. Стало быть, **она** вертится! А с некоторых пор бег ее словно бы стал еще стремительнее, пульс учащеннее.

Оказывается, и за один год можно сделать столько, сколько не делалось и за десять, сто, тысячу лет.

В Вене, на одной из центральных улиц, стоит собор святого Стефана. Говорят, его строили около или даже более ста лет, но одна его башня так и осталась незавершенной. Может быть, так и нужно, так задумано зодчими, ведь Венере Милосской тоже недостает рук, а от этого она

не стала менее прекрасной. Но сейчас не о том речь. За один лишь 1960 год в нашей стране построено столько Домов, Дворцов пионеров и рабочих клубов, которые по совокупности сравнялись бы, наверное, с тысячами таких сооружений, как собор Стефана. Вот вам и миг, вот вам и мгновение!

Сотни лет великий черный континент алчные колонизаторы держали в рабстве. Африка поднялась. За один только 1960 год более полутора десятков африканских стран обрели самостоятельность. За один лишь этот всемирно-исторический акт год шестидесятый может себя поздравить! Именно в этом, 1960 году от берегов Балтики отправился одноименный электроход и в течение десяти дней пересек Атлантический океан. Может быть, это было самым волнующим событием или, во всяком случае, одним из самых волнующих событий минувшего года. Мир, затаив дыхание, ждал: что же такое он, Никита Сергеевич Хрущев, везет с собою, что же будет? Впрочем, добрым людям нетрудно было ответить на эти вопросы: посланец мира, его пламенный и неутомимый подвижник, мог везти на Ассамблею лишь программу мира для всех людей земли. Несколько раз подымался он на трибуну, и лица одних озарялись улыбкою надежд (таких было подавляющее большинство), а у других перекашивались в бессильной злобе. «Всеобщее разоружение! Покончить с колониализмом!» — вот лозунги века, знамя века,— и кому же его поднять, как не нашей Советской стране, родившейся с манифестами Мира и Свободы и первой вкусившей плоды великих завоеваний!

Наш 1960-й триумфатором шагал по советской земле и далеко за ее пределами. Мир не переставал удивляться удивительным делам нашим, хотя сами-то мы, как уже сказано выше, вроде бы и перестали удивляться свершениям, поистине изумительным, может, потому, что уже привыкли к подвигам, которые следуют один за другим; скорее же всего потому, что крепко верим в свои безграничные силы и возможности.

Первыми запустили спутник Земли. А разве могло быть иначе?!

Первыми вернули на Землю четвероногих космонавтов. А разве могло быть иначе?!

Дали нашим труженикам самый короткий рабочий день. А разве могло быть иначе?!

Победили грозных противников в спортивном сражении на берегах Тибра. А разве могло быть иначе?!

Первыми, первыми, первыми...

Да ведь так оно и должно быть! Страна, сразу же после оглушительного залпа «Авроры» отправившаяся по неизведанным дорогам к заветным и далеким своим рубежам, по самой природе своей обязана быть первооткрывателем. Такой она и предстает перед человечеством.

Капиталистический мир, терпя одно сокрушительное поражение за другим, лихорадочно ищет какие-то идеи, которые могли бы хоть капельку оживить его дряхлеющий организм. Ищет и не находит. И, разумеется, не может найти, потому как нет на свете ничего такого, что могло бы спасти обреченного историей на погибель неминуемую...

Для лагеря социалистического год 1960-й ознаменовался еще одним, несравнимо огромным по своей исторической значимости событием. Со всех концов света съехались в Москву представители коммунистических и рабочих партий. Восемьдесят одна делегация была на этом великом форуме. Результатом этого совещания явилась четкая и предельно ясная программа всего международного коммунистического движения. В программе этой находят воодушевление миллионы и миллионы борцов за лучшую долю человека на земле, за мир для всего мира, за свободу и счастье для всех, кто трудится, для всех, чьими руками создаются земные блага.

Казалось бы после всего 1960 год мог бы спокойно сдать свою вахту новому, 1961-му году и уйти на отдых. Однако до последнего дня он продолжал трудиться с утроенной энергией и финишировал, как и подобает настоящему бойцу, с блеском. Со всех концов страны в Москву летели последние победные рапорты минувшего года: там пущена в ход новая домна неслыханной доселе конструкции, там введен в строй сверхмощный прокатный стан, из колхозов и совхозов сообщают о своих победах славные хлеборобы и животноводы...

В чужедальних странах завершаются триумфальные выступления советских артистов. Святослав Рихтер буквально ошеломил североамериканцев своим ослепительным мастерством непревзойденного пианиста, ошеломил настолько, что некоторые граждане США готовы были бы отдать за него несколько дюжин полков и... президентов.

Сокровищница мировой литературы в 1960-м году пополнилась еще одним шедевром: Михаил Шолохов в 1959 году завершил многолетний труд свой и опубликовал вторую книгу «Поднятой целины». Сейчас вторая книга «Поднятой целины» переведена на многие языки мира.

Словом, и советское искусство отлично выступило в 1960 году!

Год-исполин!

Иначе и не назовешь его. Хорошее наследство передал он своему юному преемнику. В канун нового, 1961 года Верховный Совет СССР утвердил бюджет третьего года семилетки. Коротко его с полным основанием можно назвать бюджетом мира. Мы сокращаем свои военные расходы. Мир должен победить, и он победит — вот что можно увидеть и прочесть в цифрах нашего бюджета.

Новый год ко дню своего рождения получил еще один великолепный подарок — новый рубль. На днях только этот добрый молодец глянул на нас с газетных полос молодыми веселыми глазами, а ныне уже вырвался из тесных банковских сейфов и, гордый от сознания своей удесятеренной весомости, зашагал по стране; перед ним с особым почтением открываются двери магазинов; а из-за океана с понятной тревогой глядит на новорожденного здоровяка изрядно отощавший доллар...

...Вспоминая то одно, то другое в момент сдачи вахты старого года году новому, мы не говорили о трудностях, которых, конечно же, было немало как в делах внутри нашей страны, так и за ее пределами. Но ведь праздник, который мы именуем Новым годом, бывает не каждый день. А праздник на то и праздник, чтобы повеселиться, порадоваться успехам, преодолению новых рубежей, порадоваться открывшимся нашему взору новым светлым горизонтам.

И вообще разве только слепой или потерявший от ненависти к нам рассудок может отрицать, что дела у нас идут хорошо. У нас и у наших друзей из могучего лагеря социализма.

Новый год встал на боевую вахту. У нас нет оснований сомневаться в том, что он окажется достойным великого наследия, врученного ему. И потому-то мы говорим, говорим торжественно и взволнованно:

— С Новым годом, товарищи! С Новым годом, дорогие наши друзья, где б вы ни находились в эту минуту!

Да будет он годом Мира для всех людей на земле, тысяча девятьсот шестьдесят первый год!

У ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

Вот и наступил он, новый, 1961 год! Со скоростью быстрокрылого лайнера пролетела от Курил до Карпат невидимая, неощутимая граница, отделившая год нынешний от года минувшего. И на всех меридианах люди дружно поднимали бокалы. И за миллионами праздничных столов на необозримой советской земле звучали праздничные тосты: за успехи прошлого года, за трудные и радостные дни, врезавшиеся в память, за хороших людей, рядом с которыми легко шагать в будущее.

Накануне Нового года наши корреспонденты решили навестить лишь некоторых из самой большой на свете армии — армии хороших людей. Щедрых — кто отдает богатства своих душ другим, мужественных — не знающих страха в борьбе со злом, богатых — у кого не счесть друзей.

Герои за партой

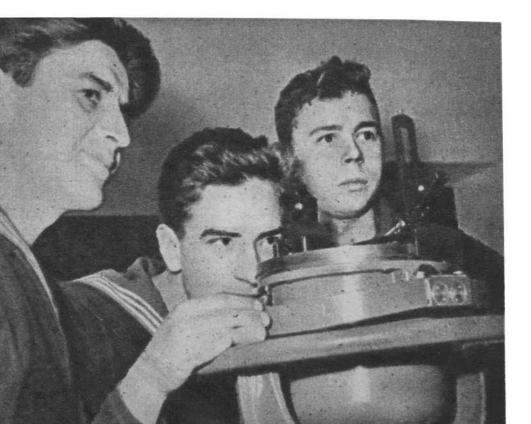
Несколько дней в минувшем году не выходило буквально ни одной газеты в мире, чтобы там не сообщалось о четырех отважных советских моряках — Асхате Зиганшине, Анатолии Крючковском, Филиппе Поплавском, Иване Федотове. Теперь и макет баржи, на которой они дрейфовали в океане, и остатки изношенных форменок выставлены в музее. Сами герои сели за парту, учатся на судоводителей. Но их беспримерный подвиг по-прежнему волнует, будоражит романтиков.

В мореходное училище приходят приглашения, зовут друзей погостить несколько деньков, выступить на комсомольском собрании. Многих беспокоит состояние здоровья молодых людей, спрашивают, не нужна ли в чем помощь. Некоторые письма адресованы четверым, и тогда их пересылают из города Ломоносова, где учатся трое, в Благовещенск-на-Амуре, в Речное училище—Ивану Федотову.

В гости, к сожалению, молодым людям ездить не приходится. Учеба и без отлучек дается нелегко. Ведь у всех троих незаконченное среднее образование. Друзья-однокурсники охотно помогают отважным комсомольцам. Но все равно, чтобы не отстать от товарищей, приходится сидеть допоздна за книгой.

К. ЧЕРЕВКОВ

Ф. Поплавский, А. Зиганшин, А. Крючковский на занятиях.

Один из тех, кто сбил «У-2»

В комнату, запыхавшись, вбежала девочка.

— По русскому — пять, по арифметике — пять,— быстро отчеканила она, не дожидаясь расспросов.— Папа, распишись, пожалуйста, в дневнике.

Михаил Романович взял дневник, просмотрел все отметки за неделю, сказал: «Молодец, Людочка!» — и поставил свою подпись.

Мы в гостях у Михаила Романовича Воронова, известного всей стране командира ракетного подразделения. Это под его командой 1 мая 1960 года ракетчики первым же выстрелом сбили самолет американского шпиона Пауэрса.

Майор Воронов служит в Советской Армии 21 год. Он был сначала рядовым солдатом, потом командиром отделения. Всю войну командовал батареей. В нынешнем году к двум орденам Красной Звезды прибавился еще один орден — Красного Знамени, за успешное выполнение боевого задания в мирное время.

Недавно Вороновы списались с товарищами военных лет, договорились о встрече летом 1961 года в Ленинграде.

— Это ведь не только мои боевые друзья, но и моей жены,— сказал Михаил Романович.— Сейчас-то она продавец в магазине, а в военное время...

В грозные военные годы Валентина Тихоновна пошла на фронт добровольцем, была ефрейтором, служила в расчете вороновской батареи.

А. ГРИГОРЬЕВ

Почетное гражданство

Александра Михайловича Гриневского я не застал дома.

— У него детский киносеанс,— сказала Мария Константиновна, его жена.— Скоро придет. А чтобы не скучать, посмотрите вот..., — и положила на стол целую кипу фотографий и писем из Чехословакии.

О чем только не пишет Франтишек Фоукл белорусскому киномеханику на Витебщину! Вспоминает о партизанских делах, просит узнать адрес родных погибшей

26 декабря в Кремле открылась четвертая сессия Верховного Совета РСФСР пятого созыва. На повестке дня сессии: 1. О Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1961 год. 2. О Государственном бюджете РСФСР на 1961 год и об исполнении бюджета за 1959 год.

Фото А. Гостева.

радистки, советуется о лечении детей, приглашает Гриневского приехать во Фрыштак... Пишет, как брату.

Перебирая письма, нахожу то, что и привело меня сюда, в Задубровье,— большую красную грамоту.

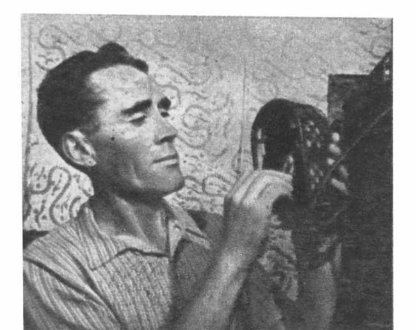
«В ознаменование беспримерного мужества и героизма, проявленного в упорных боях против фашизма при освобождении нашей Родины, и в связи с 15-летней годовщиной освобождения Чехословацкой Республики Советской Армией с чувством братской дружбы и благодарности присуждается Александру Михайловичу Гриневскому п о ч е т н о е г р а ж д а н с т в о города Фрыштак».

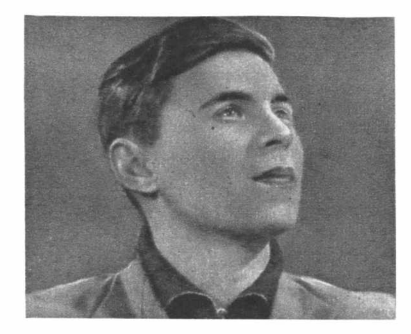
Из школы, где отец демонстрировал фильм, один за другим возвращаются дети Гриневских — Коля, Наташа, Аня. Приходит и Александр Михайлович.

— В годы войны,— рассказал он,— я вел разведку в глубоком тылу врага. В августе 1944 года мою группу направили в Чехословакию, в Тешин. Затем мы перебрались под Злин (Готвальдов). Там-то я и подружился с рабочим Франтишеком Фоуклом и многими другими патриотами-антифашистами. Подружился навсегда.

В. БОРУШКО

Задубровье.

Слава Леонтия Лукашевского

Не успели мы появиться в селе Протопоповке, как нас окружили ребята и всей гурьбой проводили к новому дому Лукашевских. Дом новый, и семья еще совсем молодая. В селе все хорошо помнят комсомольскую свадьбу пастуха и свинарки, многолюдную, шумную, веселую. Впереди на колхозной «Волге» мчались жених и невеста, а за ними — длинный свадебный поезд. Вышивки на платьях девчат, их венки, мониста, ленты сливались в радугу.

Но, конечно, вовсе не эта свадьба и даже не прекрасный голос Леонтия — его еще в школе прозвали «колгоспный соловейко» — принесли Лукашевскому славу.

Известность Леонтий заслужил замечательными делами на колхозной ферме.

Год назад окончил он среднюю школу. Правление колхоза предложило товарищам Леонтия работу на фермах. Прослышал Леонтий о почине Ярослава Чижа и стал его последователем.

Лукашевский откормил за десять месяцев 1 020 свиней — 850 центнеров мяса. Каждый килограмм этой свинины обошелся колхозу только в 2 рубля 95 копеек.

Труд Леонтия Лукашевского высоко оценил Никита Сергеевич Хрущев: «Приятно и радостно сознавать, что в деревне растет замечательное поколение молодых строителей коммунизма,— писал Никита Сергеевич Леонтию.— Вы правильно поступили, когда, окончив среднюю школу, пошли работать свинарем».

Я. ТУМАРКИН

Село Протопоповка, Кировоградской области.

Дебюты и роли Михаила Таля

О нашем визите к Михаилу Талю прослышали многие болельщики. И между ними разгорелись дебаты: чем заполняет Таль время, свободное от работы в редакции журнала «Шахс», матчей, лекций? Одни доказывали, что чемпион мира в свободные часы обдумывает сложные шахматные задачи. Другие утверждали, что весь свой досуг он отдает семье.

Признаемся сразу: в споре не оказалось ни выигравших, ни проигравших. Мы застали Таля за шахматным столиком, а на руках он держал маленького сына Георгия.

— В 1960 году я дебютировал сразу в двух ролях — чемпиона мира и отца. Однако прочным и постоянным я считаю лишь второе звание: на первое слишком много претендентов.

Нас пригласили в соседнюю комнату, там стояло пианино, виолончель. Здесь по вечерам семья музицирует. Играет на пианино, поет, выступает в роли конферансье, неистощимого на забавные выдумки, и чемпион мира.

Наверное, не зря его друзья перед решающим матчем говорили:

— Если Миша станет чемпионом мира, то это будет самый веселый чемпион.

Прощаясь, спросили о планах на 1961 год. Ответ был лаконичен:

— Подготовка ко второй встрече с Михаилом Ботвинником.

А. ГОРДИН

Рига.

Фото Н. Петрова.

Я жду гостей

Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО.

Стихи Евг. ДОЛМАТОВСКОГО.

Друзья, сойдемся наш праздник встречать,
В кругу сердечном не будем скучать.
Я жду гостей, друзей хороших, (2 раза)
И стол накрыт и время начать.

А кто прибудет, не знаю я сам,
Звонков и писем не надо друзьям.
Я жду гостей, друзей хороших, (2 раза)
Кто помнит нас, тот явится к нам.

А кто зазнался хотя бы чуть-чуть,
Кто стал холодным,— мой адрес забудь.
Я жду гостей, друзей хороших, (2 раза)
С кем жизнь светлей и радостней путь.

Пускай квартира немного тесна,
Она радушьем до края полна,
Я жду гостей, друзей хороших, (2 раза)
Как час, длинна минута одна.

Ну, что же, гости, так долго вас нет?
Шаги в подъезде я слышу в ответ.
Я жду гостей, друзей хороших, (2 раза)
Для добрых слов, для долгих бесед.

Под большим давлением.
1926.

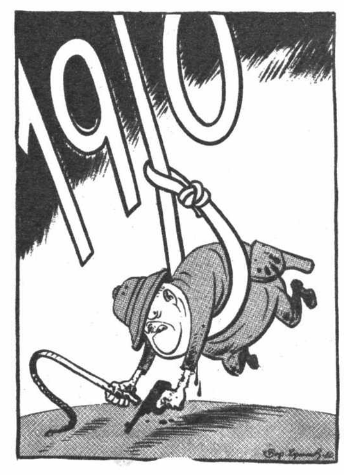
Статуя лондонского «мыслителя». (Просят не смешивать со знаменитой скульптурой Родена.)
1937.

Франция:
— Мне кажется, мы с вами когда-то уже встречались.
1951.

Имя Бориса Ефимовича Ефимова, талантливого мастера политической карикатуры, широко известно читателям. Недавно ему исполнилось шестьдесят лет. За заслуги в развитии советского изобразительного искусства Президиум Верховного Совета СССР наградил художника орденом Трудового Красного Знамени.

Мы публикуем несколько карикатур Бориса Ефимова, относящихся к разным периодам его творчества.

Колонизатор:
— Пр-роклятый шестидесятый!

Бор. Ефимов. КАРИКАТУРЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

В адрес «Москва, «Огонек».

Кто знал Николая Лапшова?

На этом снимке запечатлен Н. Лапшов, когда он получал новую боевую технику.

В нашем подразделении есть стенд, посвященный боевым традициям. Особенное внимание здесь привлекает фотокопия партийного билета № 5910209. Этот билет принадлежал Герою Советского Союза старшему лейтенанту Николаю Прокофьевичу Лапшову.

Это было в 1945 году в Польше. Ночью 16 января танковый взвод под командованием Николая Лапшова устремился в тыл гитлеровцев. В результате стремительных атак среди фашистов возникла паника. Смелые действия взвода обеспечили продвижение двух танковых бригад в глубь обороны гитлеровцев.

В ночном бою только экипаж машины старшего лейтенанта Лапшова уничтожил 6 танков, 9 самоходных орудий, 90 автомашин, захватил до 400 автомашин с грузом и взял в плен более 300 человек.

20 января 1945 года старший лейтенант Лапшов, вторично находясь в разведке в тылу противника, у небольшого польского местечка Лаек погиб смертью храбрых. На его груди нашли пробитый партбилет.

Лапшову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Имя верного сына Родины живет в сердцах тех, кто стал на его место в солдатском строю.

Молодые воины часто задают вопросы о жизни этого замечательного человека. Но рассказать подробно, помимо того, что нам известно из наградного листа, мы не можем.

Может быть, среди читателей «Огонька» найдутся такие, которые знали Николая Лапшова? Пусть они дополнят лаконичные строки наградного листа.

Старший лейтенант
Н. МЕЛЬНИЧУК

МИРА И СЧАСТЬЯ ВСЕМ ДЕТЯМ!

Дорогая редакция! На этом снимке мои дети-близнецы Саша и Леночка. Им два с половиной года. Они находятся в яслях № 172 на станции Вырица. Я спокойно работаю, зная, что мои дети в заботливых руках. Мне хочется пожелать мира и счастья всем детям.

Н. СМИРНОВА

Премии журнала «Огонек» за 1960 год

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1960 года.

Премированы авторы:

И. Андроников (очерк «Вальс Арбенина» — № 1), Н. Асанов (повесть «Мадонна Благородная» — №№ 38—41), М. Белкина («Очерк одной жизни» — № 39), С. Воронин (рассказ «На островах» — № 6), О. Гончар (рассказ «Днепровский ветер» — № 46), Р. Зернова (рассказ «Скорпионовы ягоды» — № 6), А. Калинин (повесть «Цыган» — №№ 50—52), П. Караченцов (иллюстрации к повести «Взятие Громовицы» — №№ 10—12), Н. Козловский (портрет М. Рыльского — № 46), Б. Кузьмин (фотоочерк «Светает» — № 40), Ю. Нагибин (рассказ «Эхо» — № 37), С. Никитин (рассказ «Красивая» — № 26), П. Пинкисевич (иллюстрации к повести «Он сделал все, что мог» — №№ 19—26 и к повести «Цыган» — №№ 50—52), И. Сельвинский (лирика — № 28), О. Смирнов (рассказ «Кавалер орденов» — № 49), В. Тарасевич (фотоочерк «Алые косынки» — № 16), М. Турсун-заде (поэма «Дорогая моя» — № 3), Н. Храброва (очерк «Жизнь на свету» — № 29).

И. Андроников.

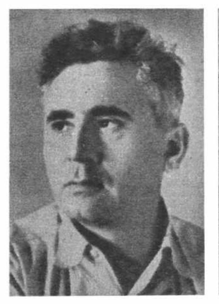

Н. Асанов.

М. Белкина.

С. Воронин.

О. Гончар

Р. Зернова.

А. Калинин.

П. Караченцов.

Н. Козловский.

Б. Кузьмин.

Ю. Нагибин.

С. Никитин.

П. Пинкисевич.

И. Сельвинский.

О. Смирнов.

В. Тарасевич.

М. Турсун-заде.

Н. Храброва.

Николай АСЕЕВ

ПРЕД ТОБОЙ

Мне б пред тобой
на колени пасть!
Мне б пред тобою
поклоны класть!
Но ведь такой
неразумен жест:
нету на свете
бессмертных божеств.
Мне пред тобой бы
дорогой лечь,
чтоб в беспредельную
даль увлечь,
так бы вот
шла бы и шла бы,
все миновав
ухабы,
Мне бы в лесу
серым волком быть,
чтоб до луны о тебе провыть,
только
ведь ты несогласна
стать
царевной прекрасной!
Варишь обед
и чинишь белье,
в радость и в свет украшаешь
жилье,
пол натираешь,
чтоб звонко блестел.
Где уж царевнам
до этаких дел!
Ты не царевна,
и я не волк...
Но для тебя
в подмогу
лучших стихов моих
мягкий шелк
выстелю на дорогу.

МОЛОТКОМ ПО ЗУБИЛУ

Виктору Сосноре

Мы будем,
мы будем
рассказывать людям,
разбуженным гражданам
о самом
важном.

Мы станем,
мы станем
втолковывать
странам
закатным и южным
о самом нужном.

Молотком по зубилу,
удар за ударом,
чтоб слышимо было
и юным и старым!

Работа такая
тяжелая очень,
но труд этот прочен,
всей жизнью
оплочен!

И выйдет на свет
из глубин
непочатых
всех прожитых лет
живой отпечаток.

Молотком
по зубилу,
удар за ударом,
чтоб понято стало
всем земным шаром!

1960.

Плакат художника М. ЧЕРЕМНЫХ на стихи В. Маяковского (1924 год), запечатлевший эпизоды борьбы за укрепление советского рубля.

Для удобства человечьего...

Ю. ЮРОВ

Если бы вам сейчас предложили приобрести подержанный платяной шкаф за два с лишним миллиона рублей или самую обыкновенную кухонную табуретку за сорок тысяч, вы бы, естественно, приняли это за шутку.

Но счет, причем счет оплаченный, в котором проставлены такие цены, мне недавно показали в одной московской семье. ...Тарелки — 2 глубокие — по двести восемьдесят тысяч рублей каждая... Вилки — 3 — сто восемьдесят тысяч...

Неправдоподобно? Все дело в дате.

Было это марта двадцать второго дня 1922 года, как гласит документ. Тогда сотруднице «Центропечати» по случаю ликвидации этого учреждения и было продано по сравнительно умеренным ценам названное выше имущество.

Да, это было время, когда цены на товары и предметы первой необходимости начинались с десятков тысяч рублей и заканчивались миллиардами. Время падавшей валюты...

Я листаю страницы газеты «Рабочая Москва» за тот год и узнаю: частная пекарня продает черный хлеб по цене двести тысяч рублей фунт. «Мародерство!» — возмущается газета. Рядом в кооперативе или в Моссельпроме хлеб стоит только сто — сто десять тысяч рублей за фунт.

...Миллионы, миллиарды. Впрочем, в обиходе они звучали более кратко и мелодично: лимоны, лимарды...

Началось резкое падение русской валюты одновременно с первой мировой войной. Новый ощутительный толчок в пропасть дало рублю Временное правительство. Больше довоенного гривенника к концу существования этой власти он уже не стоил. За свой короткий век «Временное» успело увеличить выпуск бумажных денег в два раза. Нищее духом, оно прикрывалось своеобразными простынями «керенок». От обычных фиговых листков они отличались более внушительными размерами, а от нормальных общепринятых денег тем, что разменять их было не на что. Ходит по базару с целой простыней «керенок» хозяйка и клянет на чем свет стоит главу «Временного»: ни разменять, ни сдачи получить. Бывали в истории такие дефективные деньги...

Это, однако, не повергло в смущение дожившего до наших дней в Стокгольме одного русского князя. Не далее чем 27 сентября 1960 года он обратился в советское посольство со скромной просьбой обменять ему огромную сумму «керенок» на наши советские деньги.

Сейчас этот доживающий в изгнании белогвардеец выглядит по меньшей мере слабоумным старцем, впавшим в детство, но какие бесконечные козни он и ему подобные типы предпринимали в свое время против молодого Советского государства, чтобы помешать ему создать новую устойчивую денежную систему. Пусть Керенский бежал. Но покуда Советской власти не удавалось отказаться от денег, связанных с его именем, и сбросить их в мусорную яму истории, белогвардейцы с вожделением продолжали смотреть на герб Временного правительства и двуглавый орел. «Керенки» продолжали пьянить их кровь.

Между тем подготовка к созданию советских денежных знаков уже шла. Для их лучшего оформления еще в начале восемнадцатого года Президиум Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов объявил конкурс. Над созданием рисунка работала большая группа художников. В состав жюри в числе других известных художников вошел С. Т. Коненков. В апреле того же восемнадцатого года были подведены итоги конкурса. Высоким требованиям удовлетворил рисунок, представленный под девизом «И так далее...» Его автором оказался крупный художник-оформитист Александр Викторович Манганари.

Дело было за изготовлением новых денежных знаков. Уже собирались приступить к их печатанию в мастерских бывшего Строгановского училища. Удалось найти литографские камни и краски. Мастера ждали указания. И все же выпустить тогда первые советские деньги не удалось. То была весна восемнадцатого года, года боевых походов и горячих сражений. «Керенки» получили отсрочку...

Первые подлинно советские прежде всего по духу да и по форме деньги родились в девятнадцатом году. Это были расчетные знаки РСФСР.

Обеспечить всю республику в первые месяцы, даже в годы Советской власти необходимыми денежными знаками было невозможно. Меры для этого принимались Советским правительством самые энергичные. Владимир Ильич неоднократно давал указания, где и как наладить печатание денежных знаков, контролировал их распределение. Но гражданская война, разруха накладывали свой тяжелый отпечаток и на денежное обращение.

«Из Петрограда сообщают, что Наркомфин разрешил Уральскому областному Совету выпуск бон, имеющих хождение в пределах 4 губерний Уральской области (Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской),— сообщали своим читателям «Известия Пермского исполнительного комитета» 8 марта 1918 года.— В течение ближайших трех недель центр не сможет снабжать денежными знаками».

Так появились на свет кредитные билеты Урала, вначале достоинством в один, а затем и в пять рублей. Фигуры вооруженных матросов и красноармейцев, воспроизведенные на «уралках», как их уменьшительно называли местные жители, достаточно красноречиво говорили о том, в какой обстановке создавались эти деньги.

«Уралкам» были сродни и денежные знаки, выпускавшиеся в

годы гражданской войны Амурским областным Советом, Совнаркомом Дальнего Востока, местными Советами Северного Кавказа.

Фронты отрезали от центра в числе других и Благодаренский уезд, Ставропольской губернии. Где было взять уездному исполкому денежные знаки? И уездный Совет народных комиссаров, как именовал себя этот местный орган власти, решил воспользоваться вексельной бумагой, доставшейся ему от бывшей земской управы. Из нее-то и были изготовлены боны в разных купюрах. На оборотной стороне разменных знаков говорилось о том, что они гарантируются уездным хлебным магазином в сумме 10 миллиардов рублей, имеющихся за центральной властью... Обстановка, однако, сложилась так, что воспользоваться этими деньгами не пришлось.

Более пеструю картину, чем может составить выставка бон и местных денег, обращавшихся в те годы по стране, и представить себе трудно. Кооператив «Долой хвосты» в городе Екатеринославе выпускает в 1918 году на бумаге для визитных карточек свои рукописные боны в номиналах от 1 до 25 рублей. По городу Николаевску-на-Амуре ходят в девятнадцатом году боны с портретом Петра Николаевича Симада. Не знакомы с такой персоной? «Предъявитель сего талона имеет право получить товара в магазине П. Н. Симада на 3 рубля» — значится на оборотной стороне одной из купюр, напечатанных в его собственном «казначействе».

Происхождение этой торговой фирмы выдает японская бумага, на которой печатались боны лавочника. На самих бонах указана типография в Токио, в которой они печатались.

Выбор материалов для местных денег был по необходимости самым широким — от тетрадной бумаги и продовольственной карточки до шелковой ткани включительно. К слову сказать, «шелковые коврики», представлявшие собой разновидность денег в Хорезмской народной республике, были по своей орнаментовке и форме довольно оригинальны. Но, пожалуй, единственные в своем роде деньги пустил в обращение по Якутии первый наркомфин автономной республики Алексей Семенов.

«Из всех бумажных денег, которые выпускались в оборот на безграничном пространстве Союза Советов,— вспоминал А. М. Горький, лично знавший Семенова,— самые оригинальные деньги выпустил Алексей: он взял разноцветные этикетки для бутылок вина, своей рукой написал на «Мадере» — 1 рубль, на «Кагоре» — 3 рубля, «Портвейне» — 10 р., «Хересе» — 25 р., приложил печать наркомфина, и якуты, тунгусы очень хорошо принимали эти деньги, как заработную плату и как цену продуктов. Когда Советская власть погасила эти своеобразные квитанции, Семенов прислал мне образцы их».

Природу этих «денег», их историю и характер объяснял в своих письмах Алексею Максимовичу Горькому сам Семенов.

«Я очутился в новой должности наркома финансов в самый трудный период — перехода края от натурального товарообмена к денежному обращению,—писал Алексей Семенов.— Нашлепав в одно из воскресений денег на 30 млн. рублей, мы сносно вышли из затруднения».

Признавался Семенов в своих письмах Горькому и в том, что ему, по его словам, Москва за эту затею шею намылила.

«Завтра эти деньги будем жечь, больше 25 миллионов уже изъято»,— писал он Горькому.

Да, в денежных суррогатах не было недостатка. Но особенно отличились в их выпуске всякого рода белогвардейские правители. Ведь не всем им удавалось, как адмиралу Колчаку, воспользоваться деньгами, напечатанными для Временного правительства в Америке, или, как «народному социалисту» Чайковскому, возглавлявшему «Северную Россию», получать кредитные билеты, изготовленные по его заказу непосредственно в Англии. И эта диверсия не обошлась без накладок. Ослиные уши обличали «демократическое» лицо каждого из таких опереточных правительств.

Случалось, что деньги, заготовленные для белогвардейцев и интервентов в чужеземных странах, малость и запаздывали. Был же такой эпизод, когда деньги, изготовленные по заказу Врангеля и выпущенные в Англии от имени «государства Российского», сразу же по выгрузке в Севастопольском порту попали в руки Красной Армии.

А в общем более чем в ста городах, находившихся в руках белогвардейцев, выпускались всевозможные деньги. Но народ знал, что бумажки эти так же недолговечны, как и сами творцы липовых денег, и зло высмеивал валюту временщиков.

Классический образец остроумной издевки над одним из таких временщиков представляла собой карикатура на деньги гетмана Скоропадского, родившаяся в большевистском подполье на Украине. На сторублевой купюре скоропадского образца был изображен ненавистный украинскому народу гетман в разгар буйного пиршества. Тут же его верная охрана в облике немецкого городового с каской немецкого образца на голове, с винтовкой в руке и плетью за поясом. По поводу прочности самой валюты гетмана в карикатуре говорилось:

«За сто рублей в Государственном банке выдаются одна или две фиги... Сто рублей ходят по свету наравне с туалетной бумагой... Размен этих рублей обеспечивается добром скоро-пади, ложью пана гетмана, немецким штыком и гайдамацкой нагайкой».

Уникальные экземпляры таких карикатурных денег хранятся в Музее революции и у одного из старейших советских бонистов, режиссера Анатолия Тункеля.

Неимоверно тяжело было Советской власти в условиях гражданской войны налаживать нашу денежную систему. Владимир Ильич предупреждал о сильнейшем противодействии, которое окажет не только буржуазия, но и деревенские кулаки, разбогатевшие на войне и зарывшие в землю бутылки, наполненные тысячами бумажных денег.

«Я думаю, — говорил В. И. Ленин в ноябре 1922 года,— что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион. Это уже кое-что. Это — астрономическая цифра. Я уверен, что здесь не все знают даже, что эта цифра означает. Но мы не считаем, и притом с точки зрения экономической науки, эти числа чересчур важными, ибо нули можно ведь зачеркнуть».

И процесс вычеркивания нулей на бумажных деньгах шел последовательно и решительно. «Один рубль 1922 года равен одному миллиону рублей дензнаками, изъятыми из обращения...» — гласил текст надпечаток на оборотной стороне государственных денежных знаков, выпущенных в 1923 году.

При завершении денежной реформы 1922—1924 годов один рубль в новых деньгах приравнивался к 50 тысячам рублей 1923 года или к 50 миллиардам рублей более ранних выпусков.

Пятьдесят миллиардов рублей за один действительно полноценный советский рубль! Таков был финал борьбы за его стабилизацию.

И тут нельзя не вспомнить добрым словом наш червонец, явившийся первым вестником, зачинателем самой устойчивой в мире советской валюты.

Перелистывая страницы «Огонька» за декабрь 1923 года, я нашел рассказ о том, «Как родился червонец».

«На нашей бирже они (червонцы) стоят дороже, чем фунты стерлингов и доллары,— писал журнал.— В прошлом году за червонец надо было заплатить 4,67 доллара, а в октябре текущего года он стоит 4,82. В январе за червонец платили 80 франков, а в октябре 89,8. А на бирже знают цену деньгам».

«...Все, что надо для удобства человечьего»,— писал Маяковский о советском рубле на плакате, воспевающем устойчивую советскую валюту.

Для удобства человечьего нам надо было поднять из руин гражданской войны города и села. И мы их подняли. Для удобства человечьего нам нужно было осветить города и села электрическим светом, создавать тракторы и комбайны, строить школы и Дома культуры. И во всем этом нам был надежным и верным помощником советский рубль. Для удобства человечьего нам надо было разгромить гитлеровских извергов, вторгшихся на нашу землю. Советский рубль и здесь сослужил нам свою верную службу.

Но война есть война. И когда она закончилась, надо было и рублю набрать новую силу.

Для удобства человечьего мы с каждым днем убыстряем темп семилетки. Счет приближается к триллионам. Одна Москва продает в день товаров на 200 миллионов рублей. Чтобы вообразить, какую огромную массу представляет собой эта выручка, достаточно сказать, что в миллионе, состоящем из одних рублей, больше полутонны веса. Поди сосчитай, рассортируй, упакуй бумажную гору в 200 миллионов рублей...

Мне рассказывали, что когда в Ленинском районном отделении Госбанка Москвы появляются в дни зарплаты кассиры крупнейших промышленных предприятий, их встречают приветливыми возгласами: «Киты за деньгами приехали!»

Один из таких «китов» дважды в месяц получает по пять мешков денег. У главных кассиров заводов хранятся целые штабеля чемоданов. Это — достояние цеховых раздатчиков зарплаты. Каждый из них уносит свой чемодан. Теперь весь груз главного кассира составит полмешка, а цеховому раздатчику и вовсе достаточно будет скромного пакета.

Это удобство сразу ощутит каждый из нас. На новый гривенник сделаешь то же, что на прежний целковый. Вот когда и копейка займет свое достойное место в твоем кошельке!

...Последние инкассаторы Государственного банка, доставившие поездами, самолетами, автомашинами, оленьими упряжками новые деньги в самые отдаленные районы страны, возвращаются в Москву. Все в порядке! Торговые базы, магазины уже получили новые прейскуранты.

Горячие денечки у работников заводов торгового оборудования. Новая монета торопит: «Друзья хорошие! Где автоматы для продажи бутылочного молока, кефира, мороженого? Я готова!»

Новые деньги не застанут врасплох работников московского городского транспорта. Билеты для проездов в троллейбусе, автобусе, трамвае готовы. Опустите пять копеек в автомат метро, и можете пройти на платформу. Переделаны счетчики такси. Гривенник — километр.

Сегодня начался обмен старых денег на новые. Тридцать тысяч обменных пунктов страны открыли свои двери. И где бы ни жил советский человек, он спокоен: времени вполне достаточно. За три месяца он обменяет старые деньги на новые. Потерь никаких не понесет.

...Москва, Гознак. Вот здесь, в цехах этого предприятия, создавались новые советские деньги. Создавались в творческом содружестве ветеранов и молодых кадров Гознака.

Беседуем с главным художником, заслуженным деятелем искусств Иваном Ивановичем Дубасовым. Трудно разговорить этого скромного человека. Но как интересна его биография! Командир взвода в годы гражданской войны, художник сатирического журнала «Лапоть» после ее окончания, он создал к пятилетию Советской власти марку, получившую первую премию на всероссийском конкурсе. Тридцать семь лет Иван Иванович Дубасов трудится на Гознаке. На деньгах, обращавшихся в нашей стране до Великой Отечественной войны, Иван Иванович запечатлел образы советского рабочего, красноармейца, парашютиста. В новых деньгах, созданных всем коллективом, есть и доля его труда, которой он вправе гордиться.

Только те, кто непосредственно создавал новые деньги, могут передать волнение, с которым художники и граверы воспроизводили образ великого Ленина на банковых билетах всех четырех достоинств.

И как бы радовался Владимир Ильич вместе с нами тому, что советский рубль действительно знаменит в самом лучшем смысле этого слова!

Хорошо морозным ясным днем отправиться на лыжную прогулку! Наташа Елизарова, монтажница Рязанского завода счетно-аналитических машин, очень довольна.

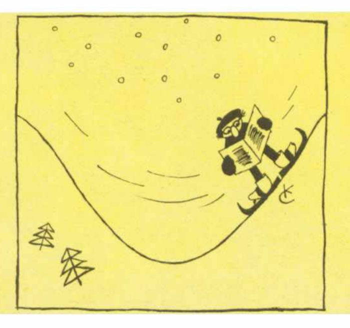
Фото М. Савина и В. Гиппенрейтера.

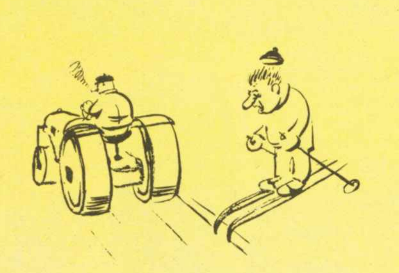

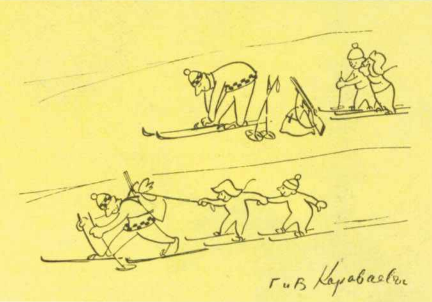
Подмосковье, воскресным днем.

Фото Л. Бородулина и В. Гиппенрейтера.

Сергей СМИРНОВ

В КРАЮ ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТ

(Из «Книги посвящений»)

ПАМИР

Мирзо Турсун-заде

Есть в утесах памирского края
Что-то
власти старейшин
сродни:
Синий купол небес подпирая,
Устремляются
к солнцу
они,
Расправляют могучие плечи,
Продолжают
немой
разговор.
И глядит
на их вечное вече
Седовласый
Президиум
Гор.

ПЯНДЖ-РЕКА

*Испытанному стражу границы
П. М. Кузнецову*

Да простят мне сугубо личные
Рассужденья на этот счет, —
Пяндж —
препятствие
пограничное —
Между разных миров течет.

И клокочет вода упрямая,
С берегами сойдясь на «ты»,
И шлифует
колонны мрамора,
Очень годные
На мосты.

ПОСЫЛКА

*Фатеху Ниязи,
писателю, офицеру запаса*

Там, где площадь загружена
Янтарем винограда,
Мы с тобой обнаружили
Чудо южного сада.

Всем на радость растет оно,
А зовется гранатом.

В нем, добротно сработанном,
Сок багряный запрятан,
Сок, волшебно врачующий
От недуга, от жажды.
Выпьешь, скажешь:
«Хочу еще!», —
Повторишь не однажды.

И немедля тогда-то мы
Ящик выбрали сами,
Загрузили
гранатами,
Адрес мой написали

И под надписью
«Авиа»,
Возле штампа и даты,
Ради шутки добавили:
«Осторожно! Гранаты!»

ШАХТЕРСКАЯ ЛАМПА

Шахтерам Шураба

У этой лампы
свет не очень ярок,
Но безотказно действует во мгле

...Я получил от вас ее в подарок
И поместил
на письменном столе.
А за столом
любимая работа.
Она, как ваша, тоже нелегка.

Исчеркан лист заветного блокнота.
Кричит новорожденная строка.

И я пишу без тени самомненья;
Таких, как мы,
никто не свалит с ног.
И всей душой
на вас держу равненье
И берегу
Шахтерский огонек.

КРЫША МИРА

Мирсаиду Миршакару

Я так спросил
у твоего Памира:
Прости за рифму, —
Где тут крыша мира?

Среди ущелья,
Грохоча жестоко,
Бежали воды
горного потока,

А возле них
Вовсю свистели птицы,

Шагали часовые
по границе,
Сверкал арык,
Сгибались ветви сада,
Старик пастух
Покрикивал на стадо.

И шла дорога
Все вперед и выше.
И было небо
Вроде синей крыши.

И было видно
с высоты Памира,
Что это
крыша
Не войны,
А мира.

ЗВЕЗДЫ САМАРКАНДА

Сергею Бородину

Эти
мавзолеи да мечети
Украшают город искони.
От смертельной
тяжести
столетий
Постепенно рушатся они.

Но умельцы,
мокрые от пота,
Там стучат,
Как в собственных домах:
Реставрационные работы
Носят
государственный размах.

И стоят
воссозданные зданья,
И зовут под свой цветастый
кров,
И звучат,
как светлые преданья
О талантах
Древних мастеров.

РАССВЕТ В ГОРАХ

Поэту Боки Рахим-заде

Закрою глаза
и немею:
По-прежнему
В сердце моем,
Подобно гранитному змею,
Дорога
ползет
на подъем.

И льется заря золотая,
И золотом
льется вода
Оттуда, где тают, не тая,
Резервы
Вершинного льда.

КОРОБОЧКА ХЛОПКА

Дважды Герою Социалистического Труда Саидходже Урунходжаеву

Раскрылась коробочка хлопка
На пепельной лапе куста.
Сидит
и красуется робко,
Пушиста, бела и чиста.

И вести о ней полетели,
Роятся
у всех на устах.
И сам председатель артели
Сзывает командный состав.

И движется
в лоно долины
Артельная сила труда.

И дышит размахом былинным
Таджикская
ваша страда.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Поэту Гафуру Гуляму

Я помню,
тосты не стихали,
В большом котле варился
плов.
И захотелось мне
стихами
Сказать хотя бы пару слов.

И родилась под небом юга
Импровизация моя:
Давайте
радовать
друг друга
Своим присутствием, друзья!

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

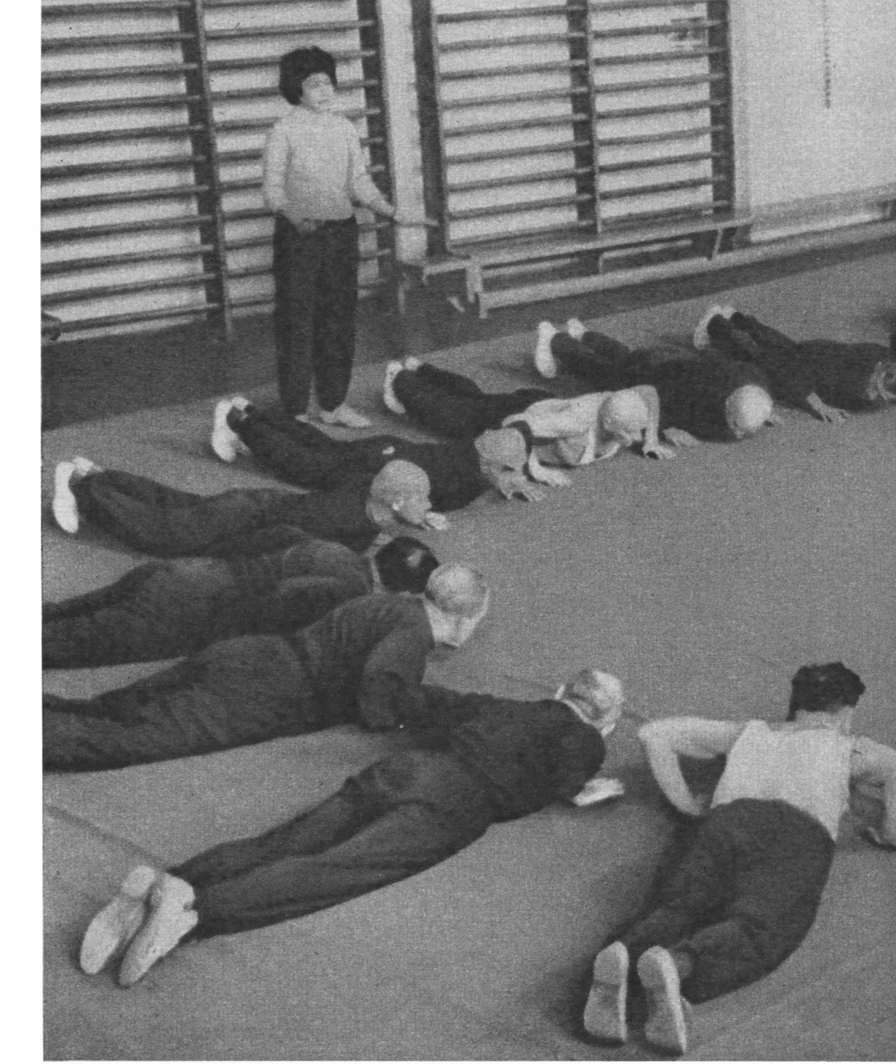
Теперь в спортивных раздевалках встречаются люди самых различных поколений. Вот и на нашем снимке вы видите такую встречу: и молодые и пожилые — все спешат на занятия!

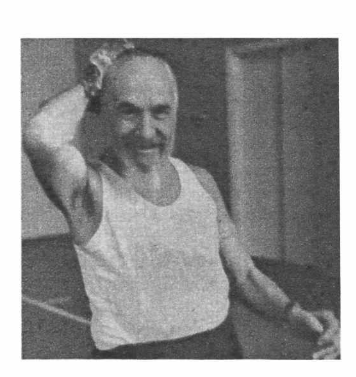
И МЫ МОЛОДЫ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Вот как проходит

Так чувствуют себя «ста

В новогоднем номере журнала — и вдруг герои фотоочерка люди средних, а то и просто преклонных лет! Уместно ли такое нарушение всех традиций? Ведь давно уже принято представлять Новый год румяным бутузом, а старый — в виде бородатого деда. И вот мы решили нарушить эти традиции.

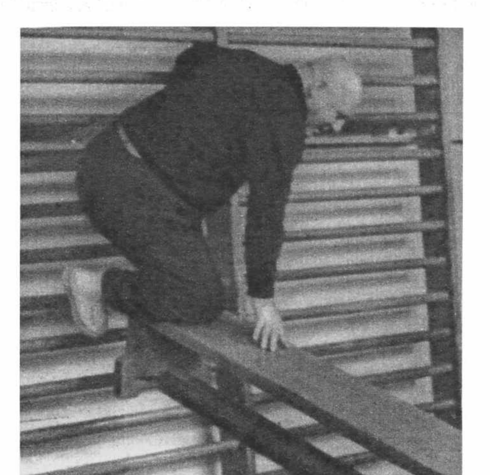
Место действия этого фотоочерка — Центральный стадион имени Ленина в Москве. Время действия — конец декабря 1960 года. Действующие лица — «офэзэповцы».

Это новое слово родилось четыре года тому назад, когда в Лужниках были созданы первые группы общефизической подготовки. В спортивные залы огромного стадиона пришли люди, которых раньше можно было встретить только среди зрителей на трибунах, те, кого тренеры обычно называют «старичками».

Энтузиасты физической культуры, они решили бороться со старостью не при помощи покоя, а, наоборот, с помощью легкой атлетики, гимнастики, плавания, волейбола, лыж. И когда весть о том, что на стадионе открыты двери для «старичков», распространилась по городу, ряды «офэзэповцев» стали стремительно расти.

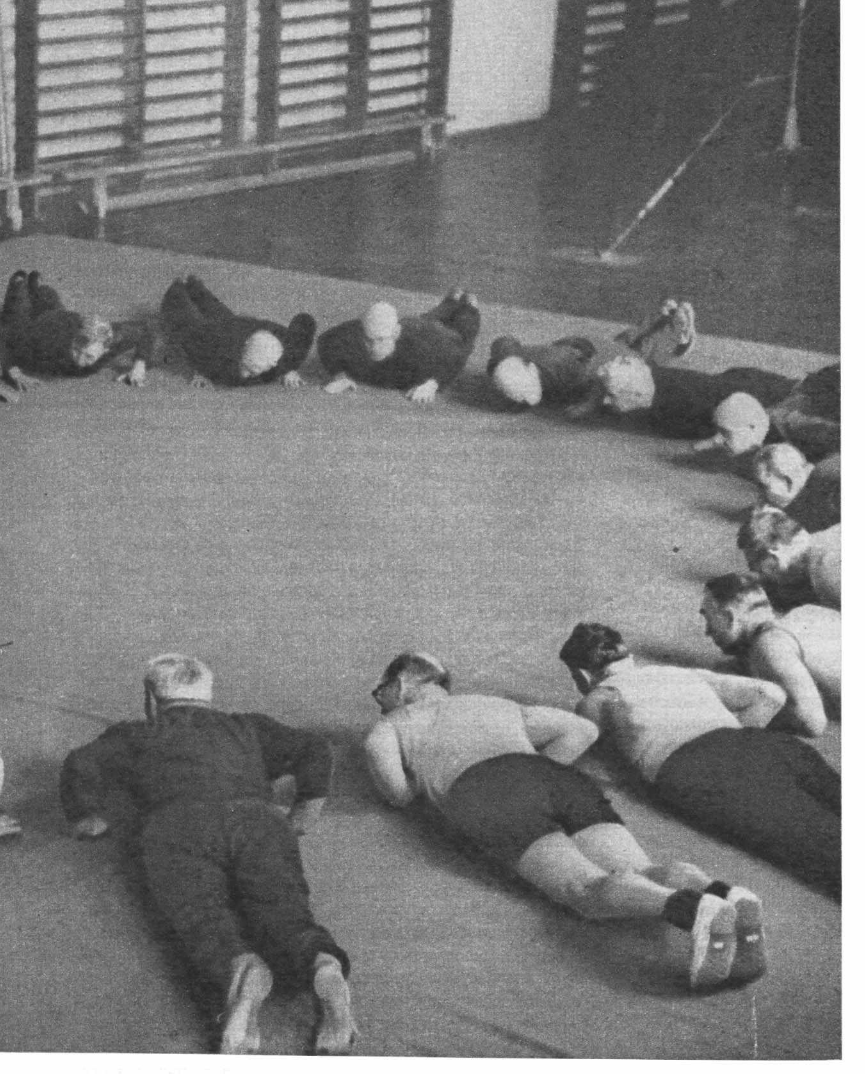
Сейчас, спустя четыре года, на стадионе имени В. И. Ленина занимаются 120 групп общефизической подготовкой, свыше 3 500 человек. Но эти цифры не дают представления об истинном размахе

Пенсионеру А. Г. Елецкому 68 лет.

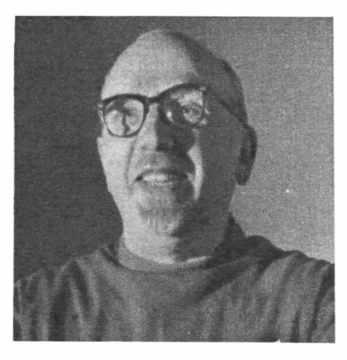

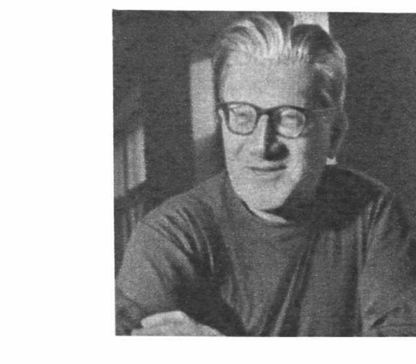
Давайте познакомимся: перед ва

очередное занятие.

рички» после тренировки.

Первые шаги.

этого полезного начинания: сейчас примеру стадиона в Лужниках последовали многие стадионы Москвы — «Динамо», «Крылья Советов», Измайловский парк. Работают группы ОФП и в других городах страны!..

Давайте познакомимся. Перед вами четыре физкультурницы: Анастасия Андреевна Клейн (53 года), Елизавета Федоровна Волковинская (64 года), Екатерина Александровна Сафонова (70 лет) и Ираида Григорьевна Гусева (61 год). Все они первые ученицы и по своим успехам и по своему стажу.

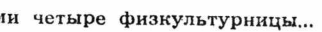
Все четверо вот уже три года аккуратнейшим образом посещают занятия, а что с ними произошло за это время, нам расскажет старший научный сотрудник сектора спортивной медицины Научно-исследовательского института физкультуры Борис Александрович Савенков, которого мы видим на нижнем снимке. Вот уже три года он внимательно следит за нашими новыми знакомыми. Итак, предоставляем слово врачу Б. А. Савенкову.

— Когда я познакомился с моими новыми четырьмя клиентками, они все в один голос жаловались на плохой сон, раздражительность, быструю утомляемость, одышку, боли в сердце. У всех мы констатировали гипертоническую болезнь. За эти годы мы многого добились. Исчезли все субъективные жалобы, а вот и объективные показатели наших успехов:

У А. А. Клейн три года назад давление достигало 145—90, сейчас же оно вполне нормально — 120—80, Е. Ф. Волковинская имела давление 160—90, сейчас — 140—80, И. Г. Гусева вообще рекордсменка: ее давление 150—75, а Е. А. Сафонова к своему семидесятилетию преподнесла самой себе поистине драгоценный подарок. Давлению — 150—90 — могут позавидовать и некоторые сорокалетние.

Впрочем, нам приходится сталкиваться с еще более удивительными показателями, говорящими о второй молодости наших клиентов. Так, например, недавно, проверяя рост наших трех физкультурниц весьма преклонных лет, мы обнаружили, что все они выросли на 2—3 сантиметра! Вы понимаете их изумление? Ведь физический рост человека прекращается задолго до его выхода на пенсию. Разгадка оказалась простой: в итоге систематических занятий у них настолько улучшилась осанка, что три пожилые женщины оказались на несколько сантиметров выше, чем всего лишь год назад.

Это происшествие можно считать шуткой, но вот другой факт из нашей практики: под нашим наблюдением находятся около пятисот человек. И за три года работы с ними мы не обнаружили ни одного случая ухудшения их здоровья.

...и четыре физкультурницы...

Подобной экспрессии в волейбольном матче может позавидовать и молодежь!

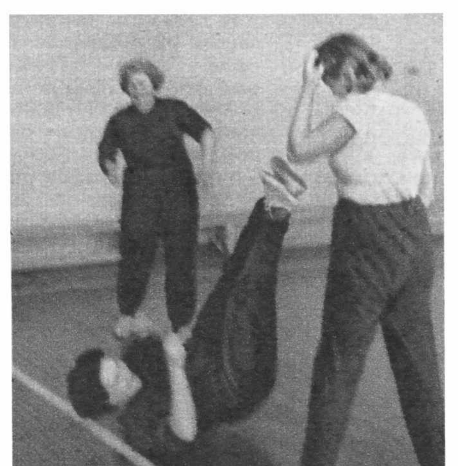

Кто кого победит? Оба победят старость!

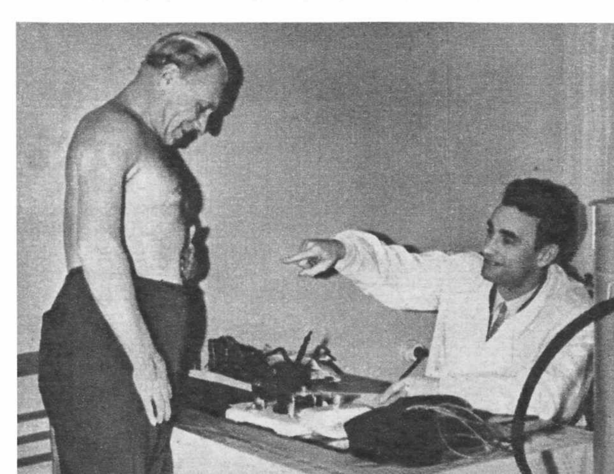

Сердце шестидесятичетырехлетнего спортсмена в полном порядке.

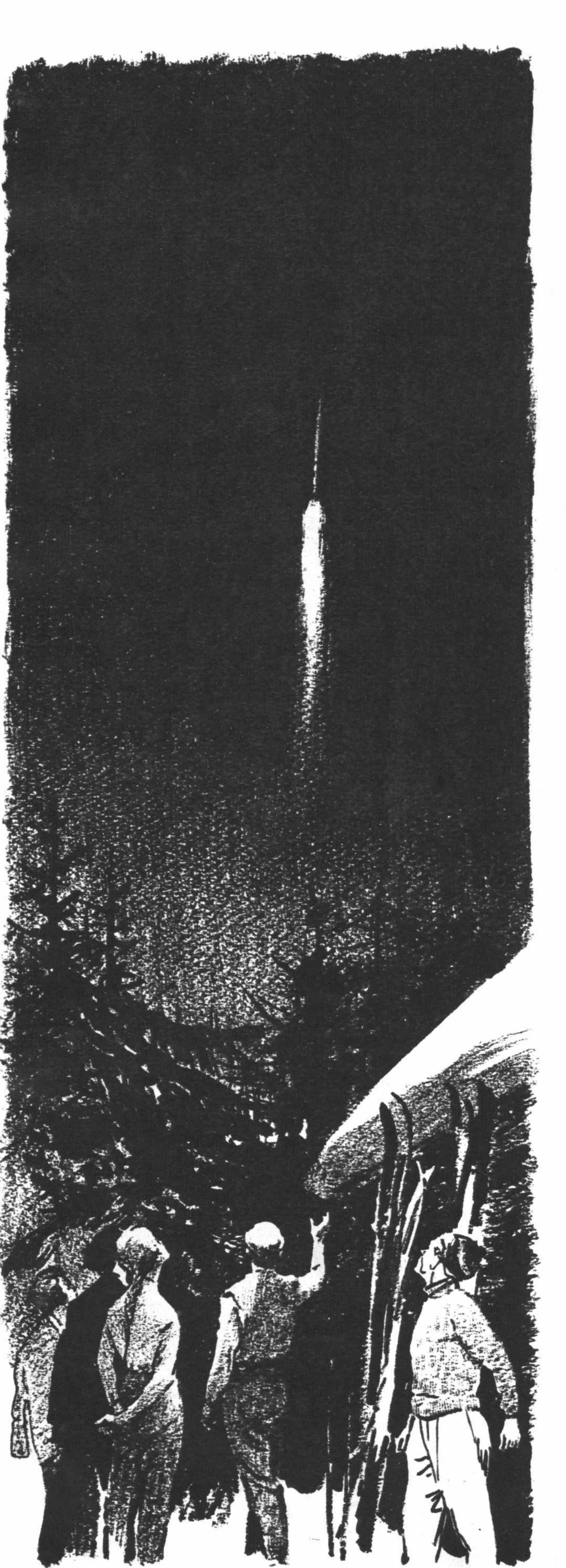

ЧУДО НА ВЫЖЕГДЕ

Рассказ

Юрий ДОБРЯКОВ

Рисунок И. Гринштейна.

Не знаю, кому первому из нас пятерых пришла эта мысль, но она появилась внезапно и, как всякая счастливая мысль, не стала хуже оттого, что мы так и не вспомнили, кто ее высказал первый. Вначале было слово, как говорится в библейской сказке, а за словом, как мы вскоре убедились, последовало множество удивительных вещей, в том числе и самое настоящее чудо. Помнится, мы переглянулись тогда, как заговорщики, воскликнули: «Да ведь это просто замечательно!» — и начали поспешные сборы: время нас подпирало.

Уже значительно позднее, когда мы всё увидели и всему надивились, для каждого стало ясно, что дорога повела нас в неизвестное потому, что мы хотели в эту ночь остаться только сами с собой, наедине друг с другом: всего было вдоволь в нашей жизни, а этого как раз не хватало. Для четверых это было и понятно, но я-то, я, старый и неприкаянный мужичище, я-то зачем потянулся за ними?

Мы выступили под вечер гуськом, лыжню прокладывал Павел Иванович, а остальные старались попасть в нее: так легче идти по глубокому, еще не смерзшемуся снегу. Честь идти первому выпала Павлу Ивановичу не потому, что он был известный ученый-энтомолог, член разных непостижимых для нас обществ, вроде новозеландского содружества любителей двупарнокрылых бабочек, а потому, что был старожилом здешних мест и лучше всех знал бескрайние выжегодские леса. Он шел широким оленьим шагом на своих худых мосластых ногах и даже не горбился под тяжестью рюкзака, — там иногда что-то булькало и позванивало.

Наш вожак часто оглядывался, и тогда мы видели, что его длинная, узкая бородка стала еще длиннее: ее продолжила ледяная сосулька, какие свисают у водосточных труб, если капли дождя вдруг прихватит морозец. Он оглядывался, чтобы посмотреть под ноги Розалии Федоровны, которая шла второй, и взгляд его выражал беспокойство, хотя все отлично знали, что супруга Павла Ивановича, такая же поджарая и узловатая, как и он, вот уже сорок лет сопутствовала ему во всех экспедициях и даже разделила с ним честь открытия какого-то редчайшего жука-короеда, считавшегося вымершим тысячи лет назад.

Я шел последним, тоже таща на плечах свою вещевую долю, и слабый ветерок, который сопровождал нас до леса, а потом сразу отстал, доносил до меня запах керосина. Это пахло от Коробицына, шагавшего впереди меня. У него за спиной вместе с другими несъедобными вещами лежала и фляга с керосином: мы точно знали, что там, куда мы шли, наверняка есть лампа, но сомневались, найдется ли и горючее. Конечно, Коробицын мог бы осветить наше пристанище как-то и подругому, недаром он преподавал физику в нашей школе и вечно что-то изобретал, но мы все же благоразумно порешили, что старый способ надежнее.

Если Павел Иванович оглядывался, то Коробицын смотрел только вперед. А впереди шла Зинаида Васильевна. Ее толстая коса, выпущенная из-под пыжиковой шапки, при ходьбе покачивалась, словно противовес, и Коробицын был прикован к ней. Отношения между этими двумя тридцатилетними людьми уже стали для окружающих неудобны и обременительны: они все что-то выясняли между собой, все чего-то недоговаривали, хотя всем было очевидно, что им, здоровякам и жизнелюбам, давно пора жить вместе и рожать детей. К тому же мы замечали, что и девичья красота Зинаиды Васильевны начинала тускнеть и как бы оскудевать: то ли от непрестанного душевного разлада, то ли от ночных смен на гидролизном заводе, где она работала в лаборатории. Однако на этот раз у нас теплилась надежда, что под влиянием такого сильнодействующего средства, как зимняя ночь в лесу, наступит наконец кризис в их затянувшемся и, как нам казалось, мнимом недуге.

Как видите, мы представляли собой довольно пеструю компанию, и многим покажется непонятным, что же нас связывало. А связывало нас все-таки многое и самое важное для нас, хотя это могло быть абсолютно ничтожным для других. Познакомившись однажды на весенней тяге журавлей, мы с тех пор не переставали дивиться таинствам живой природы, одинаково притягательной и для пылкого натуралиста и для сдержанного физика. Подумать только, они оба часами могли наблюдать за прямым полетом стрекозы, удивляясь, что она может неподвижно стоять в воздухе, словно не испытывая силы земного притяжения и пренебрегая законами инерции! Теперь они шли к новым чудесам.

Первый привал мы сделали километрах в пяти от полустанка, когда достигли подлеска с озябшими осинами и мерзлыми четырехгранными подвесками вереска. Честное слово, я впервые увидел синий воздух, синий снег и синий лес! Всего светлее был воздух, снег потемнее, лес совсем уже темный, но все это были оттенки одного синего цвета. Я приткнулся к какому-то деревцу и стал следить, может ли эта синева колыхаться, меняться или рябить, как бывает на море. Но нет, это была застывшая синева.

— Я так и думал, — услышал я голос Павла Ивановича. — Смотри, Розалия, они еще способны выйти из анабиоза.

Ученый, стоя на коленях в снегу возле небольшого белого холмика, держал что-то в обеих пригоршнях, согревая их своим дыханием. Розалия Федоровна, в меховой курточке и жесткой, грубой юбке (она не носила лыжных брюк, говоря, что это неженственно), заспешила к мужу и, наклонившись над ним, тотчас испуганно отпрянула:

— Боже мой, что ты делаешь, Павлуша?! Ты обрекаешь их на гибель. Сейчас же зарой, слышишь, сейчас же!

Они вдвоем заколдовали над холмиком, что-то закапывая в него, присыпая землей и снегом. Но тут мое внимание отвлекла тихая музыка: где-то за стволами осторожно, словно спрашивая, можно ли, запела скрипка. Подготовленный к любым неожиданностям, я все же оторопел. Ученый тоже поднялся, удивленно прислушиваясь, но тут же весело расхохотался.

— Не верю! — громко крикнул он. — Не верю в колдовские чары. Эй, выходи, Коробицын!

Мелодия оборвалась, и за стволами зашуршало. Оттуда вышли Коробицын и Зинаида Васильевна. Физик нес на руках предмет величиной с папиросную коробку, с двумя усиками над крышкой.

— Проба, — сказал он.

— Это наш сюрприз. Нельзя же в такую ночь без музыки, — пояснила Зинаида Васильевна.

— На полупроводниках? — деловито осведомился Павел Иванович и, вытащив свой хронометр, забеспокоился: — Однако в путь, друзья, в путь! Мы должны быть на месте до темноты.

— Вы прелесть, Коробицын! — шепнула Розалия Федоровна.

И снова мы вытянулись гуськом, следуя за нашим проводником. Теперь мы шли по просеке, а с обеих сторон стояли хмурые старые ели, отяжелевшие от снежного груза — их широкие лапы так провисли к земле, что хотелось поддержать их руками (а вдруг им больно!). Изредка сверху сыпался мелкий, словно пропущенный через решето снежок и слышался шорох: кого-то мы спугнули или кто-то хотел получше рассмотреть нас. Белка, может быть? Она ведь пуглива, но и любопытна. Потом раздался отчаянный, суматошный вопль.

Э-э, да ведь это сойка: зазевалась, увидев нас, и выронила из клюва желудь.

Павел Иванович остановился. Опершись на палку, он внимательно разглядывал что-то под ногами. Подойдя ближе, мы увидели, что снег на всей просеке беспорядочно смят и взрыхлен, будто только в этом месте его коснулся внезапно налетевший ураган.

— Здесь был бой, — сказал Павел Иванович. — Два оленя оспаривали право обладать самкой, а она стояла где-нибудь поблизости и равнодушно наблюдала за исходом борьбы... Что-то они запоздали... Впрочем, бывает и так, что, сцепившись рогами, олени могут биться несколько дней. Если не удастся разъединиться, они погибают.

— Ты за меня никогда не бился, — пошутила Розалия Федоровна.

— Извини, просто не было рогов, — любезно ответил ученый.

Между тем заметно стемнело. После того, как мы сошли с поезда и встали на лыжи, углубившись в выжегодские леса, прошло изрядное время. Павел Иванович опять пошел крупным шагом, а мы потянулись за ним. Вскоре он включил электрический фонарик, висевший у него на груди, и стал похож на длинного, нескладного светлячка, каких нет даже в его коллекциях. Хотя мороз был и так умеренный, но от этого сияния нам как бы стало теплее.

Когда стало уж совсем темно, я особенно ясно услышал тишину. Не думайте, что тишина только тогда, когда наши барабанные перепонки не воспринимают никаких звуковых колебаний. Тогда это уж не тишина, а обморок или смерть. В том-то и дело, что тишину можно услышать, если скрипнет сук, или лопнет почка, или прошуршит зверек. А когда все эти звуки к тому же еще и невидимы, тишину можно не только слышать, а почти видеть и осязать.

Светлое пятно впереди остановилось. Мы поняли, что Павел Иванович опять рассматривает свой хронометр. И он действительно крикнул:

— Мы подходим, друзья!

(Здесь я снова должен сделать отступление. Хронометр подарили Павлу Ивановичу его коллеги в Женеве. Что это только за механизм! Я уж не говорю, что он может показывать доли секунды и части света, светится, как глаз циклопа, знает дни и месяцы, безразличен к магнитным явлениям, не горит и не тонет, играет две тирольские песни, считает звезды, составляет гороскопы и черт еще знает что! Мне иногда кажется, что он показывает даже человеческие настроения.)

Свернув с просеки, мы прошли еще немного в темном заснеженном лесу. Это была настоящая белая целина, и казалось, на сотни верст кругом не встретишь живой души. Но чудеса этой ночи только начинались. Каждый из нас почти одновременно заметил впереди робкий неподвижный огонек, как будто кто-то нас обнаружил и подавал сигнал. Павел Иванович остановился, а мы подтянулись к нему.

— Странно, — сказал он, — на заимке кто-то есть.

— А ты уверен, что это та самая? — спросила Розалия Федоровна.

Ученый недовольно хмыкнул. Мы подошли к низкой бревенчатой избушке, какие сколачивают для пристанища охотников, и явственно увидели, что свет проникает из маленького квадратного оконца, прорубленного в стене. Павел Иванович снял лыжи и, приказав нам ждать, толкнул дверцу, нагнулся, чтобы не удариться о низкую притолоку, и скрылся внутри избушки. Оттуда клубами повалил пар.

Мы остались ждать в полной тьме. Но ждали мы недолго. Дверь снова приоткрылась, и Павел Иванович крикнул:

— Входите, гости дорогие!

Оставив лыжи у входа, мы поспешили к теплу и свету. Заимка состояла из одной квадратной и довольно просторной горницы. В железной печурке, раскаленной до самоварной желтизны, гудел, как шмель, огонь. Лампа, висевшая под жестяным кругом у самого потолка, проливала жидкий колеблющийся свет. Обстановка была по меньшей мере спартанская, но мы другого и не ждали. отправляясь в путь.

— Располагайтесь, как дома, — весело пригласил Павел Иванович. — А заодно и знакомьтесь: здешний леший, из добрых, а к тому же и мой старый друг.

Тут только я заметил, что в горнице находится еще один гость: сидя на широкой лавке в углу и добродушно ухмыляясь, он рылся в вещевом мешке, извлекая оттуда вяленую смерзшуюся рыбу. Это был темноликий, густо заросший волосом, крепкий старик, и в самом деле похожий на лесовика, каким его рисуют в книжках сказок, хотя зеленые канты на потертой тужурке ясно указывали на его занятие. У него были необыкновенно полные, красные губы, которыми он то и дело причмокивал, словно все время чем-то восхищался.

— Оказывается, не одни мы чудаки на белом свете, — говорил Павел Иванович. — Вот он тоже не усидел дома. А у него и теплая лежанка, и радиола, и кот сибирский, а супруга готовит такие пельмени — язык проглотишь. На бульоне из мозговой косточки — вот как! А не усидел...

— Да ведь служба, — посмеивался лесник.

— Не хитри, мужичок! Даже браконьеры, и те сейчас за стол сели.

— А вот увидишь, — причмокнул старик.

Павел Иванович подал команду, и мы принялись за дела. Из мешков появилась всякая снедь, бутылки и фляжки, а Розалия Федоровна достала даже льняную скатерть с малиновыми петушками. Коробицын брезгливо понюхал руки и, выйдя за дверь, долго оттирал их снегом. Затем, удалившись с Зинаидой Васильевной в темный угол, завозился над карликовыми батарейками, которые, видимо, растряслo в дороге.

Розалия Федоровна, расстелив скатерть, взглянула на лесника и вдруг всплеснула руками.

— Павлуша, да ведь это же дядя Валерьян!

— Ты неподражаема, любовь моя, — пожал плечами ученый. — Дядя Валерьян, как тебе это нравится? Ходила вместе с нами на дупелиные болота и только теперь узнала. Нет, каково?

— Помладше был, — сказал лесник.

— Ах, конфуз, конфуз! — забеспокоилась Розалия Федоровна и загремела жесткой юбкой. — А чего ж ты, дядя Валерьян, ночуешь не дома?

— Служба, матушка, — снова причмокнул тот.

Потолкавшись возле стола и открыв две банки консервов, я не нашел себе больше занятий, незаметно вышел и обогнул избушку. За это недолгое время в лесу опять произошли превращения. Теперь было уже не так темно и на полянке возле заимки лежали, отогреваясь, незнакомые пятнистые зверьки. Боясь вспугнуть их, я поднял голову и сразу понял, что это вовсе не зверьки, а тени звезд, густо усыпавших небосклон. Я подумал, что, скажи я это Коробицыну, он наверняка оттрепал бы меня за уши, как неисправимого фантазера. Но все же мне было приятно, хотя я и неправ.

Как раз в этот момент я услышал голос Коробицына. Видимо, он тоже вышел на воздух и стоял с Зинаидой Васильевной по ту сторону заимки. Мне не хотелось, чтобы он сразу прогнал моих зверьков, и я притаился.

— Зина, когда же это кончится? — сказал Коробицын. — Пойми, так дальше жить нельзя. Неужели в твоих глазах я выгляжу таким слабодушным? Неужели ты мне не доверяешь?

— Я не имею права, — ответил женский голос. — Ты ее не забыл, я вижу. Поэтому я не имею права.

— Ты ошибаешься, Зина, она никогда не вернется. Это прошлое. Ты пойми. Для нее оно ушло совсем-совсем далеко.

— Я говорю не о ней.

— А о ком же?

— О тебе.

Наступило молчание.

«Ох, горе, горе! — подумал я. — Как ни уходи от жизни в самый глухой лес, она все равно тут как тут. Со всеми ее радостями, горестями, сомнениями. Со всеми ее чудесами и неожиданностями, как вот сегодня, на каждом шагу...»

— Зина, — глухо сказал Коробицын, — я даю тебе слово, что...

— Мне холодно, — сказала она.

Я подождал, пока они уйдут, и тоже пошел обратно. Переступил порог и остановился, изумленный. Горница приобрела вполне обжитой вид: ярко светила лампа, стол искрился, как самоцветный камень, елочка стояла на нем, как невеста в белой фате, и даже малиновые петушки на скатерти, казалось, пели хвалу Розалии Федоровне. А она, будто ничего и не произошло, сказала будничным голосом:

— Куда это вы все запропали? А ну-ка, к столу...

Но, видно, неожиданностям этой ночи не было конца. Едва мы стали рассаживаться, как скрипнула дверь, и в облаках пара появились еще два посетителя. Они были с головы до ног запорошены снегом и прерывисто дышали. Когда пар рассеялся, мы увидели, что это совсем молодые парни в финских шапочках и лыжных штанах. За спинами у них были прикреплены продолговатые металлические ящички.

Несколько мгновений мы молча изучали друг друга. Круглые лица парней выражали крайнее недоумение.

Павел Иванович нашелся первым.

— Ну, что ж, — сказал он, поднимаясь, — чем за столом теснее, тем, говорят, веселее. Присаживайтесь, молодые люди, не знаю, как вас величать.

— Как вы сюда попали? — спросил один из лыжников.

— Гм-м, — сказал Павел Иванович. — А не лучше ли сначала спросить об этом вас?

Парни переглянулись.

— Мы здесь на работе, — вместе сказали они.

— На службе? — изумился ученый и взглянул на дядю Валерьяна. — Есть тут у нас один хитрый мужичок, так он тоже толкует, что...

Ученый внезапно смолк. Дядя Валерьян беззвучно, но откровенно смеялся в бороду. Коробицын не отводил взгляда от ящичков, висевших за спинами парней. Павел Иванович еще раз внимательно всех оглядел и вытащил хронометр.

— Остался ровно час, — в раздумье сказал он.

— Вот оно, вот, — причмокнул лесник.

— Послушайте, — нетерпеливо заговорила Розалия Федоровна, — не знаю, что у вас тут за секреты, но нам от этого не легче. Мы хотим есть и пить. Пожалуйте все за стол. И вы, молодые люди, тоже.

— Нам нельзя, — ответил первый.

— Нельзя, — подтвердил второй.

Они заспешили, поддернули ноши за спиной и молча исчезли за дверью. Я выскочил следом. Парни, став на лыжи, быстро уходили в ночь.

Вернувшись, я услышал голос Коробицына.

— Вы знаете, что у них за спиной? — спрашивал он. — Ручаюсь, что микробарографы. Это приборы для измерения звуковых колебаний. Но зачем они им, зачем?

— Хватит! — строго потребовала Розалия Федоровна. — В конце концов мне надоели все эти тайны. Не забывайте, зачем мы сюда пришли. Год уже уходит, а мы все еще...

— Действительно, — вмешался Павел Иванович, — давайте с честью проводим старика!

Ученый произнес это беспечным тоном, но я видел, что он озабочен. Мы разлили вино и чокнулись. Не знаю, кто о чем думал в эту минуту, но я представил себе двух парней, бегущих сейчас в темном зимнем лесу по каким-то своим неотложным надобностям, и мысленно пожелал им успеха. Как это ни странно, но они показались мне такой же непременной принадлежностью этой удивительной ночи, как оленьи следы на просеке или тени далеких звезд.

Дальше все пошло своим чередом. Коробицын включил карманный приемник и пригласил Зинаиду Васильевну на вальс. Дядя Валерьян очистил каждому по вяленой рыбке. Павел Иванович молодцевато ухаживал за женой, а та, раскрасневшаяся и помолодевшая, часто и без причины смеялась.

Мы пили вино и произносили какие-то тосты. Моими соседями оказались Коробицын и Зинаида Васильевна; они переглядывались, но в этих взглядах опять чего-то не хватало. Мне стало жаль их, и, осмелев, я неожиданно встал.

— А еще я предлагаю, — звучно сказал я, — чтобы ушли призраки прошлого. И чтобы они не мешали нам жить. Вот!

Вышло это слишком высокопарно и некста-

ти. Зинаида Васильевна покраснела, а физик благодарно взглянул на меня. Остальные ничего не поняли, но выпили тоже.

Время шло, приближаясь к красной черте. И вот мы стали замечать, что оживление за столом постепенно затихло, все тише звучали голоса, словно каждый почувствовал близость того, что должно неизбежно произойти, о чем говорили все признаки, чего мы ждали с трепетом и тревогой, но ждали как последнего откровения этой ночи. Я взглянул на хронометр Павла Ивановича и невольно сжался. Циферблат светился, как светились глаза ученого, и я с испугом подумал, что этот страшный механизм и в самом деле показывает не только время, но и человеческие настроения.

— Павлуша, что же это такое? — вдруг вскрикнула Розалия Федоровна.

— Тише! — строго сказал ученый.

В маленьком радиоприемнике что-то треснуло, а затем, как сквозь камни, пробился чистый родничок курантов. Далекие часы пробили раз, другой, третий... Павел Иванович поднялся, а за ним встали и остальные.

— Друзья мои, — сказал он тихо, — поздравляю вас с наступающим...

Но он не договорил. Раздался отдаленный, все нарастающий рокот, похожий и на долгий раскат грома, и на обвал в горах, и на шторм в океане, но в то же время и ни на что не похожий. Это было звуковое потрясение, какого еще не знали наши уши, не сознавал наш ум, а поэтому тем более грозное, невероятное, почти мистическое. Грохот все нарастал, заполняя каждую пору тела, каждую трещину, каждую щель. Лампа под потолком заходила. Ярко засветилось оконце.

Не сговариваясь, мы выскочили вон. Лес был освещен, как днем. Но опять же это было не дневное освещение, не щедрость солнца, а что-то другое, неизвестное нашему глазу, а поэтому еще более нестерпимое. Как будто белый расплавленный металл, еще неведомый людям, заполнил все капли воздуха, все дупла, все норы. И больше не было снежных шапок на елях: их единым духом смело вниз.

— Смотрите! — крикнул кто-то.

Но мы уже видели сами. Над лесом, сначала медленно, потом все быстрее, оставляя огненно-дымный след, поднималась узкая длинная серебристая стрела, нацеленная прямо в небо. Еще секунда — и она исчезла.

Обессиленные, мы возвратились к себе. Вряд ли кто из нас мог в эти минуты что-либо соображать. Мы были очевидцами чуда, а чудо не только радует, но и ошеломляет. Поэтому мы все только смотрели на Павла Ивановича. А тот был слегка бледен.

— Друзья, — сказал он наконец. — Мы задумали в эту ночь уйти от всех, а оказались в центре жизни. Мы говорили: всего у нас вдоволь, кроме блаженного мига одиночества. Что ж, нас хорошо проучили! Ведь мы оказались первыми, кто видел чудо. Да понимаете ли вы, что сейчас, может быть, в космос летит первый советский человек?!

— Вот почему у них был микробарограф! — воскликнул Коробицын.

— А дядя Валерьян? Он же знал? Знал и не сказал? — всполошилась Розалия Федоровна.

— Служба, — хитро причмокнул лесник.

(Теперь, когда события этой ночи уже давно позади, мне думается, что в путь на лесную заимку мы собрались неспроста. Может быть, мы и не знали, что именно в эту ночь произойдет чудо, но предчувствовали, что произойти оно все же может. А и было ли в самом деле чудо? Что только не пригрезится в новогоднюю ночь!)

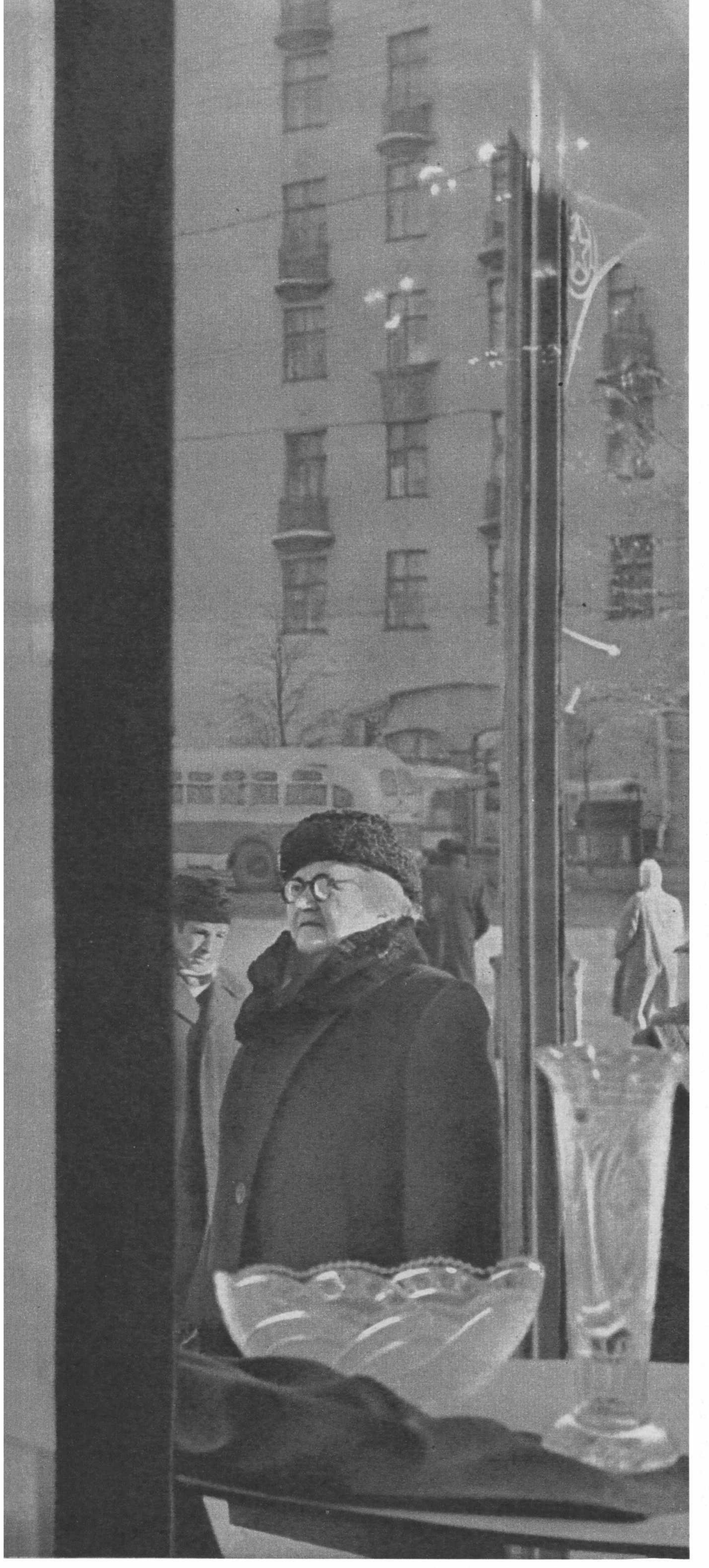
Всем стало весело. Как раз начали передавать вальс. Коробицын пригласил Зинаиду Васильевну, и, когда они закружились, в ее взгляде мелькнуло что-то похожее на ответ. Дядя Валерьян налил себе еще рюмочку. Ученые супруги сидели рядышком и тихо беседовали. Лампа подмигивала нам, как добрым приятелям.

А я? Я увидел хронометр, по-прежнему лежавший на столе. Сейчас он был тусклый и какой-то очень забытый. Видимо, в нем кончился весь завод. Я подошел к Павлу Ивановичу и тихо сказал:

— Ради бога, спрячьте наконец ваш ужасный хронометр!

Шестьсот

И витрина навевает воспоминания...

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Исстари славится столица наша свадьбами. Конечно, иными стали в наши дни невесты и женихи. Одно осталось неизменно: свадьба — всегда праздник. В среднем в Москве ежедневно справляется более трехсот свадеб, а в иные предпраздничные дни — и до трех тысяч.

Вот откуда взялась цифра, поставленная в заголовок, — триста невест и триста женихов. Это средняя цифра одного дня. Можно ли увидеть всех их сразу? Оказывается, это стало возможным с тех пор, как открылся в Москве необычный и пока единственный в стране «Салон для новобрачных».

...Пришли молодые в загс подавать заявление. Сомнения и колебания остались позади. День свадьбы назначен. Хлопот полон рот. И вот в загсе счастливой паре вручают приглашение посетить «Салон для новобрачных».

Теперь все дороги из загса ведут в этот салон. Три зала магазина имеют каждый свое назначение. Зал подарков. Зал невесты. Зал жениха. Никакой беготни по разным магазинам! Все лучшее, самое красивое, модное — новобрачным!

Первой парой, переступившей порог салона, была студенческая чета из Полиграфического института. Вечером, когда в актовом зале института открылось свадебное пиршество, туда внесли цветы и сервиз: это был подарок сотрудников салона молодоженам — первым покупателям. Так была соблюдена старинная торговая традиция благодарить за почин.

Женихов и невест вы узнаете сразу. Они молоды, глаза их светятся радостью. Они неторопливо обходят прилавок за прилавком. Внимательно ко всему приглядываются, советуются с продавцами, а потом уносят отсюда целые вороха свертков. Чего только нет в этих свертках! Много, очень много нужно купить новобрачным. А вдруг не хватит денег? Не беда! Можно воспользоваться кредитом. Молодым и здесь льгота: вместо обычных шести месяцев им предоставлен годовой срок.

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ!

Черный свадебный костюм заказывает Валерий Боев. Он гранильщик на ювелирной фабрике. Его невеста Надежда уверенно исполняет роль консультанта.

— Не слишком длинный. Это теперь модно. Двубортный... Брюки без обшлагов,— диктует она портному, принимающему заказ.

— Вы следите за модой! — одобрительно отзывается тот.— Уж не работаете ли по нашей специальности?

— Нет, я работаю продавцом в «Детском мире».

В зале невесты знакомимся еще с одной парой. Евдокимов — техник-конструктор, а невеста Галина — мастер. Какие у них планы на будущее? Поступят в институт: Владимир — в машиностроительный, Галина — в технологический.

Хороши московские невесты и женихи!

Я поинтересовался профессиями счастливых влюбленных. Мотористка швейной фабрики, инженер: фрезеровщица, слесарь; кладовщик, шофер такси; технолог «Серпа и молота», медицинская сестра; маляр, делопроизводитель; гладильщица, научный сотрудник...

Все они сегодня здесь, у всех масса дел. Одни о чем-то громко спорят. Другие говорят застенчиво, почти шепотом. Третьи смотрят друг другу в глаза и, наверное, тоже о чем-то говорят. Без слов.

А чем озабочены вот эти двое, направившиеся в отдел обслуживания?

— У нас свадьба будет дома,— говорит она,— и, конечно, мы ждем много гостей. Не хватит посуды. Можно ее взять напрокат?

— Конечно, можно. Все будет у вас точно в назначенный час. Не беспокойтесь,— заверяет сотрудница отдела обслуживания.

Пока невеста определяет, сколько нужно тарелок, ножей, вилок, фужеров и всего прочего, я узнаю, что жених и невеста — студенты Московского института инженеров железнодорожного транспорта. В этом году они кончают учебу. Свадьба состоится под Москвой, в Лианозове.

Посуду, магнитофоны, аккордеоны — чего только не берут здесь напрокат на свадебный пир!

— А мы решили иначе,— говорит пожилая женщина,— чтобы хлопот поменьше: свадьба будет в ресторане «Прага». Здесь, в магазине, все и заказали. Можем спокойно идти домой. Удобно, правда? Гостей будет человек шестьдесят. Сына женим. Он слесарем работает на заводе. У нас вся семья рабочая, у невесты тоже. Уж больно молодые хороши! Это я не как мать говорю, а так оно и есть...

«ОХ, УЖ ЭТИ МОРЯКИ!»

Столик. Вокруг него кресла. Здесь отдыхают уставшие от трудов праведных мамы и бабушки. Они быстро знакомятся. Не мудрено, ведь у них общие и радости и заботы. Много интересных разговоров можно тут услышать.

— Дочку выдаете или сына жените?

— Что вы, милая, это я внучку замуж...

— Что вы говорите! Вы так молодо выглядите... Наверно, всего накупили?..

— Все приобрели, слава богу. Ведь наши-то молодые со свадьбы да на поезд. Насовсем уезжают. В Калининград, может, слышали? Он торговый моряк, там служит. Вот и забирает ее. А она-то, Адочка наша, в педагогическом институте учится, вот в чем дело-то. Мы говорим: подождите годочек, а потом уж и поженитесь. А он знать ничего не хочет: пошли в загс — и баста. Давно они знакомы, еще в школе вместе учились. Мы ей говорим: «Повлияй, мол, на него. Он тебя послушает, уговори его». А она отвечает: «Он, может, меня и послушает, только не хочу я его уговаривать. Это мы оба решили, так тому и быть. А учиться я и там буду». Ну вот, завтра свадьба.

— Ну, и в добрый час!

— Чуть не позабыла за разговорами-то,— спохватилась бабушка.— Цветы заказать надо, чтобы в загс прислали...

И она стала советоваться с молоденькой продавщицей, какие прислать цветы. Не удержалась и снова поделилась своими переживаниями о том, что моряк увозит ее внучку за тридевять земель.

За тридевять земель... Опять хлопоты? Нет. И это учли в салоне. Если новобрачным нужны билеты на поезд, самолет или пароход, они могут их заказать тут же, в отделе обслуживания. Пожалуйте в свадебное путешествие! А свадебные путешествия порой бывают не близкие: на новостройки, на целинные земли...

...Мимо нарядных прилавков идет военный моряк с погонами старшего лейтенанта. Ох, уж эти моряки! Этот, наверное, тоже увезет из Москвы еще одну невесту.

— Куда похищаете столичную невесту? — спрашиваем его.

— На Северный флот, — улыбается старший лейтенант Евгений Трифонов и представляет нам Любовь — свою молодую жену.

— Увозит... — подтвердила она,

невест и женихов

Свертков уже немало, но... купить или не купить?

Кольцо должно быть по размеру.

озорно взглянув на мужа.— И подумайте, познакомились мы в Сочи, на Черном море, а теперь оказывается, он вот где служит. Ничего не поделаешь, приходится ехать с юга на север... Правда, для меня там работы непочатый край. Ведь я геолог...

ТРИ БУКЕТА

Черненькая девушка остановилась у полок с цветами, долго рассматривала их и, обратившись к продавщице, сказала:

— Сегодня к пяти часам нужно доставить в загс Свердловского района три букета..

— Три?!

— Вот именно, три! Одновременно. И без опозданий! Можно?

— Конечно!

— Букеты будут на мое имя, хотя я не невеста. Заверните цветы в целлофановую бумагу, чтоб было красиво. Договорились?

— Это что, три свадьбы? — не удержался я.

— Вот именно. Приезжайте, посмотрите!

Был субботний вечер, то есть то время, когда загс работает, как иной завод в конце квартала, — авральный период. В залах многолюдно. Нарядных невест и женихов окружали родные и друзья. Веселый смех, шутки. В воздухе запах духов. Из буфета доносились хлопанье пробок, крики «ура».

То и дело раскрывались двери соседней комнаты, и молодых приглашали на регистрацию брака.

А гости все прибывали. Появился и посланец из салона. Он нес три одинаковых букета.

Черненькая девушка уже была здесь.

— Это мне,— сказала она и взяла цветы.

Вместо объяснения она вручила нам пригласительный билет. В нем было написано:

«Сегодня у нас радостное событие. Мы отмечаем день бракосочетания наших комсомольцев Лидии Ивановой с Володей Лариным, Лилии Реученко с Володей Попковым и Валентины Конякиной с Володей Кузнецовым.

В честь этого торжества мы приглашаем вас на бал».

Остается только добавить, что все шестеро новобрачных — работники Центральной междугородной телефонной станции и что приглашение подписано комитетом комсомола и советом физкультуры, потому что трое Володей и их молодые жены — комсомольцы, активные физкультурники.

...Большой зал украшен пестрыми гирляндами, цветами.

Огромный стол — на сто человек — уставлен всевозможными яствами.

Гости в сборе. Новобрачных, приехавших из загса, встретили криками «ура». Торжество началось.

— За молодых! За хороших связистов, за наших комсомольцев!

Начальник Центральной междугородной телефонной станции Петр Тарасович Гобец преподносит подарки. Правда, два подарка нельзя было сюда доставить: первому Володе — тахту, второму — обеденный стол и шесть стульев. Зато третий Володя получил свой подарок из рук в руки: ордер на комнату в новом доме. Он и его жена жили в общежитии.

— А чтобы жизнь молодых в новой комнате была светлой, им преподносится также и люстра! — добавил Гобец под дружные аплодисменты гостей.

Было еще много подарков. Сервизы, вазы, куклы для будущих детишек. И все чаще звучало «горько».

Лилии Реученко, ставшей с сегодняшнего вечера Попковой, преподнесли отдельный подарок и поздравили ее с днем рождения, который совпал с днем ее свадьбы.

Было много тостов и речей. Из них мы поняли, что шестеро новобрачных завоевали любовь большого коллектива связистов. Представитель райкома комсомола, поздравляя молодоженов, сказал, что трое Володей забрали себе лучших невест в районе, а Лидия, Лилия и Валентина взяли в плен лучших во всем районе женихов.

Пили за то, чтобы праздновать серебряные и золотые свадьбы.

Запели «Подмосковные вечера». Потом заиграл оркестр, и чуть ли не все пустились в пляс.

— Доброго пути вам, дорогие молодожены! — воскликнул кто-то. Доброго пути! Счастливого пути!

Валентине и Володе — ордер на комнату. Вот это свадебный подарок!

«ГОРЬКО!»

Лидия Иванова последний раз ставит свою девичью фамилию — теперь она будет Лариной.

Подарок... с намеком.

Честная коммерция

Памфлет

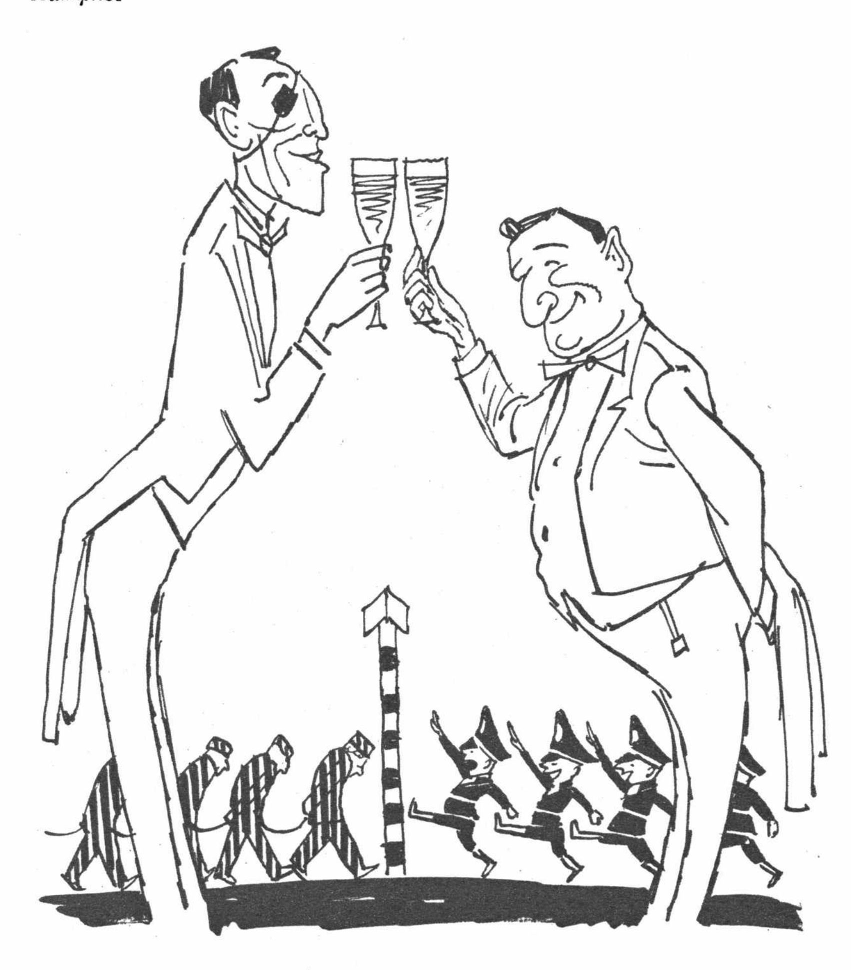

Рисунок Ю. Черепанова.

Жан Пьер ШАБРОЛЬ

Однажды вечером я был приглашен пообедать к его превосходительству господину Дезатанта [1], нашему славному военному министру. Это, разумеется, один из лучших домов Парижа, и собравшееся общество было самым изысканным. Судите сами: кроме министра и меня, на обеде присутствовали: один знаменитый портной; его постоянный клиент, маленький франт — стиляга Туту де ля Жакетт, наша новая национальная гордость; мультимиллионер Фюльжанс де Ниор де ля Бранк, глава треста «Животные удобрения и навоз», избранный академиком после появления его труда «Практическое руководство по ассенизационному делу»; Франсуа Симикри, автор романа «Мой Иисус был прав», лауреат Нобелевской премии; художник Бернар Дрессуар [2], глава живописной школы «Эпидемическая абстракция»; и, наконец, вечно юный князь Суконцев, бывший царский генерал, непревзойденный дирижер танцев на парижских светских балах, ныне вторично в отставке.

Мы только-только расправились с закусками, а уже за столом сверкал и искрился дух высшего парижского общества. Каждому предлагалось рассказать свою сплетню и защитить ее достоверность. Мы перебивали друг друга — словом, все было чудесно!

И тут взял слово его превосходительство министр, что, естественно, заставило всех замолчать. История, которую он рассказал, показалась мне достойной того, чтобы она была запечатлена моим скромным пером. Как и подобает видному государственному мужу, господин военный министр сначала обрисовал в общих чертах международную обстановку. Затем перешел к недавним франко-боннским переговорам, в которых главным действующим лицом с французской стороны выступал наш министр юстиции господин Леонс Плясидон [3].

— Он из молодых да ранний, наш Плясидон, — подчеркнул господин военный министр. — Говорят, вырос в подполье, в борьбе с нацистскими оккупантами!

(Замечу в скобках: я не припомню точно, кто был тот грубиян, который осмелился крикнуть на одной из недавних демонстраций, что вышеуказанный министр Плясидон, прослывший борцом против оккупантов, странным образом сейчас, через пятнадцать лет, сажает в каталажку именно борцов Сопротивления. Лично мне, правда, не привелось видеть, как целая рота полицейских тащила автора этого возмутительного возгласа в соответствующее уютное место. Если не ошибаюсь, то именно в тот день его превосходительство военный министр решительно провозгласил, что не позволит никому сомневаться в демократическом характере нынешнего режима!)

Между тем наш милый хозяин продолжал за столом свою поучительную историю. Он отметил, что во время оккупации его нынешний коллега, господин Плясидон, носил боевую кличку «Кошечка»... Военный министр напомнил также, что нация ежегодно торжественно отмечает день, когда мужественный Плясидон — в то время лишь скромная Кошечка — лично метнул гранату в здание ресторана, где собрались офицеры нацистского вермахта. Историю с гранатой наш милый хозяин изложил с некоторыми романтическими подробностями. Но я не могу удержаться, чтобы не привести здесь кое-какие дополнительные детали этого происшествия, малоизвестные широкой публике.

Надо сказать, что до случая с гранатой Кошечка в годы оккупации имел в своем боевом послужном списке разве что темпераментные словоизлияния по радио да прослушивание ответных, не менее патетических разглагольствований из Лондона. Но радиопризывы Кошечки, оказывается, возымели действие: они воспламенили группу парижских гамэнов. И те решили пустить в дело гранату, которую стащили в ресторане у какого-то пьяного эсэсовца. Исполнителя акта ребята наметили путем жеребьевки, включив из уважения в число кандидатов и автора упомянутых радиопризывов. Коварному случаю было угодно, чтобы жребий пал... на беднягу Плясидона, он же Кошечка. Когда мальчишки явились к нему со своим решением, он сначала лишился языка, а затем принялся отчитывать их не хуже, чем это сделали бы их папаши, если бы последних не угнали года два назад в Германию. Кошечка с благородным негодованием напомнил юным друзьям о том, что в их возрасте следует заниматься совсем другими делами: решать арифметические задачи, писать диктанты и учиться уважать взрослых. И, в конце концов, они должны брать пример с тех, кто во имя отечества не рискует впустую, а будет действовать наверняка, когда наступит желанный день победы!..

К несчастью Кошечки, его посетители оказались дошлыми ребятами. Они холодно ответили ему, что не могут освободить его от выполнения патриотического долга. Если же он откажется применить на практике свои же призывы по радио «подкреплять слова делом», то они сумеют «убрать» его в сорок восемь часов. После этого ребята ушли, оставив на столе Кошечки гранату. Один из них при этом почему-то зловеще поглядел на ручные часы.

По случайному совпадению в тот же вечер в ресторане «Нор» в городе Павильи-сюр-Орж взорвалась граната. Разумеется, это была другая граната. Что касается Кошечки, то он в это время сидел в дворовом бассейне с водой, спасаясь от страшного предмета, лежащего на его письменном столе. Говорят, что после этой ледяной ванны и вплоть до Дня Освобождения его колени продолжали выбивать дробь не хуже барабанных палочек.

Таково подлинное происхождение романтической легенды о подвиге Плясидона-Кошечки в дни оккупации.

Но я отвлекся. Наш хозяин, военный министр, как раз подошел к самой сути франко-боннских переговоров. Мы узнали, что партнером господина Плясидона на этих переговорах был господин фон Ауффлакерн [4]. Он тоже был «молодой из ранних» и на должности министра юстиции сменил герра Куммера, старого нацистского разбойника, умершего с месяц назад от последствий заворота кишок, который случился с ним на берегах озера Ильмень. О новом боннском вершителе правосудия у нас было известно немногое: знали только, что он одноглазый и не весьма привлекательной наружности. Встреча Плясидона с фон Ауффлакерном происходила в Баден-Бадене, разумеется, в рамках франко-западногерманского сближения.

Его превосходительство военный министр изложил цель этой дружественной процедуры.

Правительство Федеративной Германии предложило передать в руки французского правосудия несколько алжирских беженцев, очутившихся на территории Западной Германии и вынужденных просить политического убежища; мы же возвратим матери — Германии — последний десяток военных преступников, которых начальники наших французских тюрем по какому-то недоразумению продолжают прятать в рукаве. Сделка предлагалась по честному коммерческому принципу: один за одного. Это было вполне достойное предложение: нам эти беглецы были срочно нужны, чтобы поупражняться на них в стрельбе из двенадцати винтовок; Бонну же его умирающие от безделья эсэсовцы были необходимы для назначения их на посты, где требуется хорошая воинская выправка и крепкие нервы...

В общем, по словам господина министра, коммерческие условия были подходящими для обеих сторон. Переговоры можно было, в сущности, закончить в один день, включая сюда и любезные приветственные речи за круглым столом. Но, как известно, Баден-Баден является одним из самых

[1] Игра слов. По-французски это звучит как «министр вооруженного нападения».

[2] По-французски — «поставец для вина».

[3] От слова «placide» — «безмятежный», «благодушный».

[4] По-немецки — «взрывчатый».

приятных курортов Европы, поэтому на переговоры была отведена неделя времени. Однако рейнские вина и красивые валькирии, обслуживающие бальнеологические кабины, значительно затянули дело. Конференция заняла шестнадцать дней и шестнадцать ночей. Батальон журналистов от обеих сторон охотно принимал во всем этом участие, и многие говорили, что время они провели, так сказать, в смешанном галльско-готическом стиле.

И все-таки оставалась еще одна запятая, одна «подлежащая урегулированию деталь». Обмен «штука на штуку» был, как уже сказано, одобрен. Споткнулись на одном только беглеце по имени Мохаммед бен Кихиба. За него одного герр фон Ауффлакерн требовал... семерых эсэсовцев! Господин Плясидон выразил самое искреннее недоумение: семь гитлеровских офицеров в позументах за одного полуфранцуза, даже получеловека!

Но одноглазый блюститель боннских законов знал, где раки зимуют: как раз Мохаммед бен Кихиба был нам особенно дорог, что видно будет из дальнейшего.

Торговля затягивалась, что явно угрожало франко-боннской дружбе. И наш министр юстиции, проведя день-другой за бутылкой хорошего вина во французском консульстве, отправился снова к фон Ауффлакерну.

— Мон шер Отто! — воскликнул, простирая руки, господин Плясидон. — Этот Мохаммед бен Кихиба, который вас так прельстил, право же, будет для вас только обузой. Знаете вы, в чем его вина? Он бросил гранату в кабачок в парижском предместье, где пьянствовали наши «ультра». Провидению было угодно, чтобы убытки, нанесенные владельцу, были не столь велики... Но самый акт — вот что дорого! Акт — вы понимаете! В конце концов ведь и вы тоже министр юстиции!

— Либер Леонс! — ответил одноглазый фон Ауффлакерн. — Знаете ли вы, где я потерял глаз? В 1944 году во Франции, в ресторане «Нор» в Павильи-сюр-Орж. Я был единственной жертвой взрыва гранаты, брошенной террористом.

— Боже мой! Какой ужас! — пробормотал ошеломленный Плясидон-Кошечка.

— Поймите меня, дружище Плясидон!—продолжал одноглазый.— Я не смог вот этими самыми руками (он выставил вперед пару лап, огромных, как ковши экскаватора) расправиться с тем террористом. И вот случай подарил мне последователя этих бомбометчиков! Можете представить себе, как трудно мне с ним расстаться!

Через четверть часа они ударили по рукам...

Рассказав все это, его превосходительство господин военный министр на мгновение умолк, потом задумчиво сказал:

— Наш Плясидон почему-то очень пугается и начинает дрожать, когда при нем произносят слово «граната». Мы иногда делаем это на заседаниях совета министров, чтобы подтрунить над ним...

Господин министр подошел к концу своего рассказа. Когда Баден-Баденское соглашение было парафировано и соответствующим образом вспрыснуто, фон Ауффлакерн заключил Плясидона в свои объятия и сказал торжественно:

— Я вас прощаю!

— Как? — затрепетал побледневший Плясидон. — Разве... разве вы знали, что...

Одноглазый, усмехаясь, заговорил об ошибках юности, о величии всепрощения, о франко-германском примирении. Он даже добродушно признался, что случай во французском ресторане как раз и обеспечил ему быструю карьеру в его ведомстве, обычно далеком от таких героических дел. Кончилось тем, что оба обнимались и плакали весь вечер и перепились так, что путали свои фамилии и даже национальную принадлежность...

В заключение своей чудесной маленькой истории наш милый хозяин, министр Дезатанта, сделал нам следующее конфиденциальное сообщение:

— Только пусть это будет между нами! Плясидона и фон Ауффлакерна объединяют не только общие воспоминания периода войны. У них есть и еще кое-что общее. Оба они акционеры (один — французского филиала, другой — западногерманского) некоего большого химического треста. А это, — заключил господин министр, — имеет не последнее значение для нашего сближения с Западной Германией.

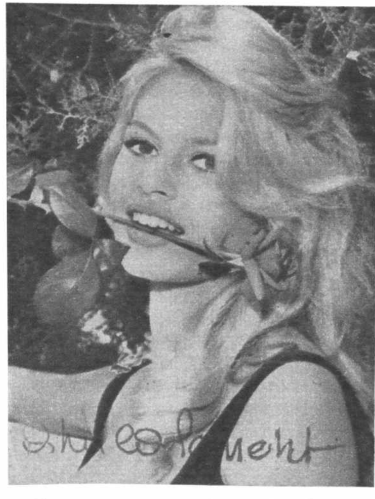
Вот и вся маленькая историйка, восхитившая присутствовавших за столом. Я пересказал ее вам так, как она была нам изложена господином министром в тот чудесный вечер.

Но я, конечно, поостерегусь утверждать, что в этой истории все правда до последнего слова. Ведь рассказывал-то ее... министр!

* * *

Предупреждение. Если бы читатель обнаружил в героях этого моего новогоднего повествования сходство с какими-либо подлинными лицами, ныне существующими или существовавшими, равно как и с действительно происходившими фактами, то это было бы (о, конечно!) совершенно случайным совпадением.

Москва, «Огонек»

Шлю привет журналу «Огонек». Надеюсь, что мне в будущем году удается порадовать зрителей и сделать больше, чем в этом году.

Бриджит Бардо, киноактриса

Париж.

МИР, ДРУЖБА, СВОБОДА

Я от всего сердца желаю хорошего Нового года читателям «Огонька»!

Мне довелось быть в числе тех счастливцев-французов, которые провели четыре месяца в Москве во время работы над картиной «Нормандия — Неман». Время, когда я снимался в этом фильме, останется лучшим воспоминанием моей жизни.

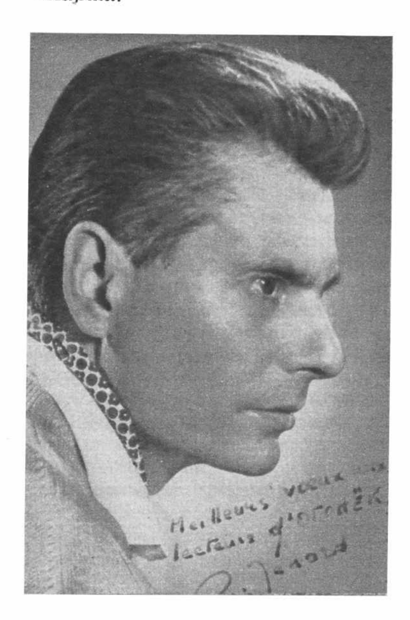
Что касается моей деятельности в Париже, то она прежде всего заключается в профессиональной работе актера. Кроме того, я являюсь секретарем киносекции французского профсоюза работников сцены и членом исполнительного комитета Национального объединения театров.

Каждый день моим товарищам и мне приходится сталкиваться со все более трудными проблемами. События внутри нашей страны не облегчают нам решение задач, стоящих перед деятелями искусства.

Если бы мне было дано выразить самое сокровенное желание в канун Нового года, я хотел бы, чтобы все люди доброй воли объединили свои силы и добились победы. Победы в борьбе за то, чего здравомыслящий человек не может не желать: за мир, дружбу, свободу!

Ролан МЕНАР, киноактер

Париж.

1961 и я

Хотя в 1961 году мне исполнится восемьдесят один год, я надеюсь прожить еще несколько лет. Мне очень не хочется умирать, не увидев, что мир твердо встал на путь, ведущий к прочному миру.

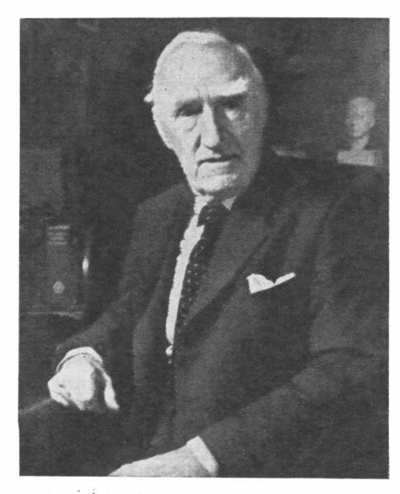
Я думаю — и это главное, о чем я мечтаю в канун Нового года, — что если все правительства согласятся сотрудничать на международной арене в применении современной науки для созидательных целей, человеческая семья сделает огромный шаг вперед в новый и замечательный век, в котором народы всех наций, освобожденные от зла войны и нищеты, поднимутся на такой высокий уровень благосостояния и культуры, которого раньше не достигал ни один привилегированный класс, ни одна привилегированная нация.

Я надеюсь, что все больше и больше людей будут думать сами и перестанут верить пропаганде страха и ненависти, которая создает военную лихорадку. И это уже происходит. В каждой стране, где бы я ни был, растут требования разоружения. И чем сильнее эти требования, чем теснее объединяются разумные люди всех стран в защите мира, тем скорее поджигатели войны заставят отступить.

В 1961 году я намерен продолжать статьями, речами и, когда это возможно, с помощью радио и телевидения поддерживать растущее всемирное требование мира.

Меня особенно интересуют два пути. Британский совет, который возник в результате исторической Экономической конференции 1952 года в Москве, президентом которого я являюсь, занят тем, чтобы добиться смягчения условий экспорта товаров из западных стран в социалистические страны и расширения торговли между этими странами и Англией.

Я буду также действовать в пользу мира, утверждая, что план разоружения должен предусматривать передачу части средств из военных бюджетов в международный фонд; этот фонд должен использоваться для долгосрочных кредитов слаборазвитым странам,

что даст им возможность ввозить промышленное оборудование для развития своих ресурсов. Сотрудничество всех стран в подобном плане будет важным шагом к миру на земле.

В 1961 году я намерен также продолжать свои поездки в другие страны, включая США и СССР — в обеих странах я всегда пользуюсь полной возможностью выступать и трудиться на благо мира.

В заключение разрешите мне выразить мое восхищение великими военными победами русских армий в последней войне, которые явились столь огромным вкладом в спасение мира от нацизма, а также мое удовольствие от посещений вашей страны, где я видел великие индустриальные свершения и быстрый подъем уровня жизни. Некоторое время назад, выступая в английском парламенте, я говорил: идея, будто бы Советский Союз начнет войну, чтобы навязать миру коммунизм, абсурдна. То, что хочет Россия и что нужно всем странам, — это мир.

Народу Советского Союза мои лучшие пожелания на новый, 1961 год!

Лорд БОЙД-ОРР

Лондон.

ПО СЛЕДАМ БЕССМЕННОГО ЧАСОВОГО

С. С. СМИРНОВ

Вероятно, многие читатели «Огонька» помнят мой рассказ «Бессменный часовой», опубликованный в № 31 журнала в конце августа минувшего года. Для тех, кто не прочитал или забыл этот рассказ, я кратко напомню его содержание.

В 1915 году неизвестный русский солдат, охраняя большой подземный склад продовольствия и обмундирования в одной из крепостей, был заживо замурован в этом подземелье во время взрыва, завалившего вход. Солдат прожил под землей девять лет и был найден только в 1924 году, когда поляки начали раскапывать склад.

Я приводил некоторые подробности подземной жизни бессменного часового, как их рассказывали мне по памяти те, кто когда-то слышал или читал об этом случае. В заключение я обращался к читателям с просьбой помочь в розысках следов героического солдата так же, как в свое время они помогали мне в поисках защитников Брестской крепости.

И читатели сразу же и горячо откликнулись на это обращение. В редакцию «Огонька» потоком шли письма со всех концов нашей страны. И не только нашей. Откликнулись читатели из Чехословакии, Польши, Румынии, из Вьетнама, одно письмо пришло даже из города Сиднея в далекой Австралии.

Сейчас число этих писем перевалило за семьсот. Не имея физической возможности лично ответить всем, кто мне написал, я пользуюсь этим случаем, чтобы вместе с дружеским новогодним поздравлением выразить им свою глубокую благодарность и за ценные сведения о бессменном часовом, которые содержатся в большинстве писем, и за адресованные мне теплые слова привета и пожелания успеха в поисках моего героя. Можно смело сказать, что эти поиски значительно облегчаются благодаря многочисленным новым данным, которые сообщили читатели.

Характерно, что сама рассказанная мной история при всей ее необычности почти ни у кого не вызывала сомнений. Лишь в трех или четырех письмах выражено недоверие к моему рассказу, и случай с бессменным часовым объявляется невероятным и невозможным, этакой литературной небылицей. Что ж, сейчас у меня в руках достаточно материала, чтобы доказать этим скептикам их неправоту.

Перейду к фактам.

Во-первых, оказалось, что в 1924 году, когда бессменный часовой вышел из своего подземного заточения, о нем писала польская печать. Многие из людей, которые в то время жили на территории Польши, сообщают мне, что они узнали эту историю из газет «Курьер Варшавски», «Курьер поранны» и из военных газет; к сожалению, точные даты появления статей не указаны в письмах, что, конечно, затрудняет поиски. Но я уже обратился к нескольким польским товарищам — писателям и журналистам с просьбой навести справки в архивах.

Выясняется, что и наша печать того времени писала о бессменном часовом. Десятки людей сообщают, что они читали заметки о нем в центральных и во многих областных газетах.

Пенсионер Андрей Евграфович Гурков, который живет в Смоленске, прочтя мой рассказ, тотчас же вспомнил, что в двадцатых годах читал заметку о бессменном часовом в смоленской газете «Рабочий путь». А. Е. Гурков — бывший солдат первой мировой войны, и история подземного узника так взволновала его, что он решил включиться в розыски. К счастью, оказалось, что старые комплекты «Рабочего пути» бережно хранятся в областном архиве. А. Е. Гуркову пришлось тщательно просмотреть их, и в номере от 13 февраля 1925 года в разделе «Смесь» он нашел заметку, которую искал. Сообщение занимает всего несколько строк:

«В крепости Осовец, в заваленном землей каземате найден живым русский солдат, пробывший под землей 9 лет. В каземате были большие запасы пищи и свечей, но последних хватило только на 4 года, а остальные 5 лет солдат жил в темноте. Сейчас это седой старик».

Больше никаких сведений в заметке не было. Но А. Е. Гурков не оставил дела на этом. Он написал письмо работникам Варшавского радио и телевидения, прося их обратиться за помощью к своим слушателям и зрителям. Он обещает сообщить мне, как только получит какой-нибудь ответ из Варшавы.

Капитан Советской Армии М. Козин прислал мне экземпляр «Чтеца-декламатора», выпущенного Военным издательством в 1941 году. В этой книге есть рассказ о бессменном часовом.

Рассказ называется «Забытый» и снабжен небольшим примечанием: «Летом 1925 года при восстановлении Ивангородской крепости, расположенной на территории б. Польши, в заваленном форту был найден живым солдат царской армии. Он пробыл в форту 10 лет со дня поспешного оставления крепости войсками. Рассказ «Забытый» написан на основе этого факта».

Героем этого рассказа является солдат-татарин Мустафа Муссатдинов. Его забыли в подземелье товарищи, взорвавшие вход в форт в то время, как он спал, вернувшись из очередной разведки.

Автором этого рассказа, к моей радости, оказался ныне здравствующий писатель-москвич Казимир Ковалевский. Я сразу же позвонил ему по телефону. Оказалось, что Ковалевскому в свое время лишь подробно рассказали об этой истории, а сам он не видел никаких документов и, когда сочинял рассказ, придумал имя для своего героя, как это обычно делают писатели в художественных произведениях.

Примерно в это же время несколько читателей позвонили мне по телефону или прислали письма, советуя разыскать № 4 журнала «Всемирный следопыт» за 1925 год. Я нашел его и, открыв, тотчас же увидел большой рассказ, озаглавленный «Девять лет под землей». Рассказу было предпослано следующее примечание:

«Во время расчистки фортов Осовецкой крепости, в заваленном обвалом земли каземате найден живым русский солдат из Донской области — участник русско-немецкой войны, остававшийся под землей в течение 9 лет. Взрывом большого снаряда солдат заживо был замурован в каземате большим пластом земли. В течение года он кормился хлебом, который затем от сырости испортился. Все остальное время он питался мясными и молочными консервами, которых оказалось в изобилии в каземате. Там же был большой запас свечей, которых хватило на четыре года, после чего несчастному человеку в течение пяти лет пришлось жить в темноте. Нашли его всего обросшего волосами и седым стариком. Первые лучи света ослепили его зрение, но затем оно снова вернулось. Местными властями найденный солдат отправлен в Варшаву, а оттуда, по всей вероятности, его направят на родину — в Донскую область» (из газет).

На этом газетном сообщении и построен рассказ — история канонира Иванова, заживо погребенного в глубоком фортовом каземате.

Рассказ во «Всемирном следопыте» не подписан именем автора. Мы не знаем, располагал ли автор каким-либо фактическим материалом, кроме короткой газетной заметки, или же все обстоятельства подземной робинзонады канонира Иванова, как и его фамилия, выдуманы писателем. И этот рассказ, судя по всему, не может служить нам мало-мальски достоверным документом.

Описывая историю бессменного часового, я исходил из того, что случай этот имел место в одном из фортов Брестской крепости. Но при этом, как, возможно, помнят читатели, я сделал оговорку, сказав, что не могу в точности ручаться за место действия, ибо некоторые из людей, рассказавших мне эту историю, ссылались на другие русские крепости — Осовец и Ивангород.

Подавляющее большинство читателей, приславших мне письма, с уверенностью называют Осовец, и я сейчас думаю, что это — наиболее вероятное место действия. Однако есть и другие варианты.

А. Колесников из села Пудино, Томской области, и А. Кузьмин из города Николаева, на Украине, пишут, что дело происходило в Бресте. Учитель И. Д. Буянов из села Колхозное, Чечено-Ингушской АССР, утверждает, что солдат найден в крепости Ивангород; пенсионер М. Т. Темник из Сосновки, Черкасской области, называет крепость Дубно; тов. Якушенков из Саранска пишет, что местом действия был Ковенский форт (город Каунас в Литве). Эту версию подтверждают в своем письме Анна и Вацлав Колар, живущие в Харькове. Они сообщают, что в 1925 или 1926 году получили письмо от своих родственников из Литвы, которые писали им:

«У нас интересная новость. При раскопке Каунасской крепости в подземелье был найден живой русский солдат родом с Дона. Он был в подземелье в течение девяти лет, весь оброс длинными волосами».

А. и В. Колар советуют мне запросить об этом случае старожилов Каунаса.

А председатель колхоза «Пашанга», Укмергского района, Литовской ССР, Эдуард Шемета нашел в старом литовском журнале «Кривуле» № 5 за 1925 год заметку «Девять лет под землей», сделал ее перевод и прислал мне. Вот что в ней написано:

«Недалеко от Вильнюса во время империалистической войны бы-

ли большие продовольственные склады, которые были взорваны при отступлении русской армии в 1915 году. В 1925 году польские власти, обследуя эти места и производя раскопки, обнаружили в одном подвале русского солдата, который был в полной форме, и у него были длинные волосы, которые доходили до пояса. Когда его вывели на свежий воздух, он сразу ослеп. Он мало разговаривал и только сказал, что был поставлен на пост и ждал, когда его сменят.

Русский воин прожил недолго: когда он попал на свежий воздух и на солнце, он сразу заболел и через несколько дней скончался. Никому больше не удастся узнать, откуда он был и как его звали — свою тайну он унес в могилу. Это был русский воин, верный своей присяге».

Такое же разнообразие вариантов возникает сейчас и по поводу фамилии и местожительства подземного часового. Опять-таки большинство читателей с определенностью указывают, что это был донской казак, причем некоторые сообщают его адрес более точно. Петр Целютин из города Шахты пишет, что солдат призывался в Каменском округе, а после освобождения из подземелья вернулся на родину — в станицу Ешинскую (возможно, он имеет в виду Вешенскую). Житель хутора Садки, Зверевского района, Ростовской области, Яков Пахачев тоже говорит, что бессменный часовой был из станицы Каменской и даже указывает его фамилию — Галушкин (он читал о нем в газете в 1927 году). Михаил Челия из Тбилиси уведомляет меня, что, по его сведениям, солдата надо искать в селе Грушевка, Ростовской области, около Новочеркасска. Председатель Кавалерского сельсовета Ростовской области Василий Медведев пишет, что солдата звали Иван Шаповалов и он был уроженцем станицы Вольно-Донской, Морозовского района.

Но три письма, пришедшие из трех совершенно разных районов Союза, уверенно указывают на один и тот же адрес: станица Николаевская, бывшей Донской области. Этот адрес сообщают В. П. Лукьянов со станции Краснодонецкая, Ростовской области, И. Д. Межинский из Махачкалы и И. Матиссен из Красноярска. Все они в свое время читали об этом в газетах и запомнили адрес, а И. Матиссен помнит даже фамилию солдата — Николаев. Это совпадение адреса в трех письмах заставляет насторожиться: быть может, прежде всего следы бессменного часового следует искать именно в станице Николаевской.

Однако есть и другие свидетельства. Г. Дворников со станции Алга, Актюбинской области, утверждает, что солдат был рабочим из Иваново-Вознесенска и вернулся впоследствии туда. Из редакции газеты «Колхозная правда», которая выходит в Бесединском районе, Курской области, и которая перепечатала мой рассказ, переслали мне письмо читателя Г. Алтухова. Он помнит, что солдат был родом из Иркутской губернии. Ф. Сергеев из Днепропетровска считает его уроженцем Тамбовской губернии. Анастасия Говорунова из Пянджского района Таджикистана сообщает, что, по слухам, солдат, пробывший девять лет под землей, проживал в селе Красавка, Саратовской области, и фамилия его была Грушин. Редакция «Камчатской правды» переслала мне письмо своего читателя А. Румынова, указывающего, что бессменного часового надо искать по адресу: село Веригино, Бугурусланского района, бывшей Самарской губернии. И. Буянов из города Грозного заявляет, что солдат был житель Пензенской губернии. 80-летний В. П. Волков из Оренбурга адресует меня в город Сорочинск, Оренбургской области, А. Ахметов из Башкирии указывает на село Слак, Альшеевского района, Башкирской АССР.

Наконец, мой старый знакомый ученый-историк из Киева Павел Константинович Федоренко вспоминает, что лет тридцать назад ему рассказывали, будто солдат, просидевший девять лет в подземелье, был жителем города Сновска (теперь Щорс), Черниговской области. И в то же время редактор районной газеты «Путь Ленина», выходящей в селе Красная гора, Брянской области, переслал один из номеров этой газеты, где напечатано адресованное мне открытое письмо пенсионера О. Подвойского «Это не легенда!». О. Подвойский в свое время читал статью о бессменном часовом в клинцовской газете «Труд» и хорошо помнит: там указывалось, что солдат был уроженцем Сосницкого уезда, Черниговской губернии. Редактор «Пути Ленина» А. Балалаев попытался разыскать старые комплекты газеты «Труд» через Клинцовский краеведческий музей, но оказалось, что весь архив района был уничтожен во время фашистской оккупации.

Все эти люди по большей части сообщают то, что они когда-то читали в газетах. Есть также целая группа читателей, которые, так сказать, из вторых рук передают мне рассказы тех, кому якобы довелось видеть бессменного часового и говорить с ним. Михаил Зорин из города Бердска, Новосибирской области, пишет, что его жена, уроженка поселка Александровского, Коченевского района, той же области, заявила ему, будто все это произошло с ее односельчанином Тимофеем Гурко. Сам Гурко, вернувшийся домой слепым, умер только в 1955 году, и М. Зорин сообщает мне адреса его родственников. И. А. Никулин из города Мелеуза в Башкирии передает мне интересный рассказ бывшего военкома Зилаирского района БАССР И. Ф. Тулякова.

Зимой 1931/32 года И. Ф. Туляков ездил на лошадях в командировку в Белорецк и, вернувшись оттуда, с волнением рассказал своим сотрудникам, среди которых был и И. А. Никулин, об удивительной встрече со слепым башкиром или татарином. По дороге в Белорецк ему пришлось заночевать в одной из деревень. Его привели спать в избу, где на нарах сидел слепой человек с совершенно седыми волосами, причем седина была какая-то необычная — с зеленоватым отливом. Узнав, что к нему пришел военный, слепой принялся рассказывать Тулякову свою историю, полностью совпадающую с историей бессменного часового. При этом старый солдат сказал, что поляки оказали ему воинские почести и что в Варшаву его доставили торжественно, в сопровождении духового оркестра.

И. Ф. Туляков впоследствии погиб на фронте. И. А. Никулин советует мне навести сейчас справки у старожилов Учалинского, Абзелиловского и Белорецкого районов, через которые пролегал тогда путь И. Ф. Тулякова.

И. И. Вербицкий из Калининграда, который в 1923 году жил в Польше, около крепости Модлин, близ Варшавы (раньше называлась Новогеоргиевской крепостью), вспоминает рассказ своего брата. Брат служил тогда в польских войсках и работал в команде, расчищавшей и раскапывавшей крепостные сооружения. Самому И. Вербицкому тогда было 13 лет, и он ежедневно носил брату в крепость обед, который посылали ему родители. Однажды — это было в ясный сентябрьский день 1923 года — мальчик застал у ворот крепости огромную толпу народа, и жандармы никого не пускали внутрь. В толпе говорили, что в этот день под землей нашли русского солдата, прожившего там девять лет. Потом к мальчику вышел его брат с другими польскими жолнерами, и они подтвердили этот слух и рассказали, как выглядел найденный солдат. А потом, как вспоминает И. Вербицкий, в польских газетах и журналах печатались портреты этого солдата, подробные рассказы о его жизни под землей и даже была выпущена брошюра о нем. Сейчас И. Вербицкий послал в Польшу письмо своим знакомым с запросом об этом случае и обещает сообщить мне результат.

Особенно интересное письмо прислал мне старый железнодорожник, ныне пенсионер, из города Вильнюса Д. И. Бурый. В нем он подробно излагает то, что когда-то рассказывал ему его сослуживец, ныне работник Вильнюсского отделения Литовской железной дороги, Михаил Сухоруков.

Это было примерно 25 сентября 1925 года, когда Михаил Сухоруков служил на пограничной с Польшей советской станции Негорелое. Стало известно, что из Варшавы прибывает поездом русский солдат, пробывший девять лет под землей, которого польские власти будут передавать в Негорелом советским властям.

Курьерский поезд из Варшавы прибыл около семи часов вечера, и пассажиры пересаживались с него на поезд, идущий в Москву. Но таможенная и пограничная проверка все же занимала минут сорок, и за это время М. Сухоруков и другие работники станции успели рассмотреть бессменного часового и поговорить с ним.

Оказалось, что его встречали в Негорелом родные: старушка мать, брат, жена и отец — еще бодрый и бравый донской казак с крупной золотой серьгой в ухе и в старых шароварах с лампасами. Вместе с ними приезжего ждали фотографы и рабкоры из ряда газет.

Солдат оказался плотным здоровяком лет сорока пяти, довольно высокого роста, с двумя георгиевскими крестами на груди и тоже с серьгой в ухе. С головы его спускались ниже пояса густые седые волосы. Такими же были его борода и усы. На казаке были новые казацкие шаровары с лампасами, и на боку висела сабля.

Он долго обнимался с родными, а потом газетчики хотели его сфотографировать, но он просил не делать этого, видимо, стесняясь своей внешности. Ему принялись задавать вопросы, и он охотно рассказал свою историю, почти полностью совпадающую с основным вариантом этого случая, хотя некоторые детали в его рассказе были иными. Он, по его словам, действительно не сразу допустил поляков в склад и приготовился стрелять, если в подземелье войдут немцы. Только после того, как ему объяснили, что произошло, он согласился покинуть пост. При этом ему плотно завязали глаза, чтобы сохранить зрение. Хотели даже связать руки, чтобы он, забывшись, не сбросил своей повязки, но он обещал, что сумеет сдержаться. Потом его доставили в военный госпиталь, поместили в темной комнате, и в течение трех или четырех месяцев он ходил в темных очках, постепенно приучая глаза к свету. Он заявил польским властям, что хочет уехать на родину, и в госпитале его навещал советский консул, который сопровождал его в Москву. М. Сухоруков спросил у казака, как случилось, что поляки оставили ему саблю. Тогда солдат вынул из ножен клинок и показал его собравшимся вокруг него.

— Это подарок отца, — сказал он.

На клинке была выгравирована надпись: «Смелым бог владеет».

Он объяснил, что поляки с уважением отнеслись к нему и, оценив мужество и стойкость подземного часового, разрешили ему оставить свое оружие.

Д. И. Бурый советует обратиться к архивам Министерства иностранных дел, где должны быть какие-то документы, связанные с передачей бессменного часового на родину.

Но, конечно, особенно важно было для меня получить письма от людей, которые, по их словам, сами видели бессменного часового и разговаривали с ним. Таких писем несколько.

Александр Лебедев из Ленинграда сообщает, что много лет назад его односельчанин, вернувшийся домой с войны только в 1924 или 1925 году, подробно рассказывал ему историю своего девятилетнего пребывания под землей в крепости Осовец. А. Лебедев был тогда секретарем волостной ячейки ВЛКСМ и жил в селе Старая Калитва, Новокалитвенского района, Воронежской области. Фамилию подземного узника он помнит хорошо — Журавлев, но имя его забыл. Журавлев, по его словам, видел, но недостаточно хорошо, хотя и ходил без сопровождающего, да и слух его был расстроен. В то время Журавлев работал в качестве пастуха общественного стада, а его сын Петр батрачил у кулаков. Сам Лебедев в 1929 году уехал из родного села и с тех пор ничего не знает о семье Журавлевых.

Читательница Витковская из города Кривой Рог пишет, что в 1925 году, когда она жила на станции Гришино, там однажды появились листовки, выпущенные местной газетой, где рассказывалась история бессменного часового. В листовках сообщалось, что солдат, возвращаясь на родину, проедет через Гришино, и указывался час прихода поезда. Вместе со многими другими жителями Гришина тов. Витковская пришла на станцию посмотреть на этого удивительного человека. Она помнит, как на площадку вагона вышел человек с очень длинной белой бо-

С Новым годом вас, люди добрые!

Яков **КОЗЛОВСКИЙ**

Льются звуки башенной меди,
Наступает полночный час.
С Новым годом, мои соседи,
Поздравляю и пью за вас!

Нет, не праздное суесловье
Рвется в тост мой под стать ключу:
Я душевного вам здоровья
На сто лет пожелать хочу.

Я в Болгарию с вами ездил,
Металлурги Череповца,
Мы сегодня как будто вместе
Вновь сошлись, распахнув сердца.

Перед вами не ножкой шаркаю,
Побратавшиеся с огнем,
Славлю я ваше дело жаркое
И желаю успеха в нем.

Нет, не зря осушаем чарки.
Пусть же будет — ликуй страна! —
Два ягненка у каждой ярки,
Горсть наследников у зерна.

Я желаю, чтобы ученый,
За рабочий усевшись стол,
Вдруг,
как молнией озаренный,
Крикнул радостное: «Нашел!»

Встали рядом мечты и были,
Не смолкает веселья глас.
Пьем за женщин, чтоб их любили,
И они обожали нас.

Грех бокалу стоять порожним!
(Скучно трезвенникам, поди!)
Все плохое — да будет в прошлом,
Все заветное — впереди!

Телеграммы примчались теплые.
Хорошо нам в кругу семьи.
С Новым годом вас, люди добрые,
Дорогие мои!

Радость

Сергей **ОРЛОВ**

КОНЦЕРТ

Начинается, начинается:
Алый бархат уходит вбок,
Выплывают на луг красавицы,
Оживает старый лубок!

Сарафаны цветные тканые,
Из сафьяна всё сапожки...
Как негаданные, нежданные,
Гуси-лебеди вдоль реки.

Гуси-лебеди, струи в лепете,
Ивы падают с высоты,
Солнце в небе встает из небыли,
Поднимается из мечты.

А по залу летит дыхания,
Вздоха радостный ветерок,
А на сцене зорь полыхание,
И под сердцем вдруг холодок.

Это так ведь мечтали прадеды,
Предки наши о красоте,
О несбывшейся и ненайденной,
Как о дали и высоте.

Пусть у нас своя, непохожая
И мечта есть и красота.

Непохожая — только что же мы
Восхищеньем томим уста?!

Даль иная! Высоты новые!
Только замер вдруг, замолчал
И любуется облюбованной
Красотою сегодня зал.

Видно, есть в ней самое главное,
Без чего не быть красоте,
И выходит она, как равная,
К нашим помыслам и мечте.

ГАРМОНИ

Над базаром музыка властвует:
Сто гармоник поют в углу —
Голубые, алые, красные,—
По всему видать, что к теплу.

Пар морозный клубит над лицами.
Снег укатан, словно каток.
Люди хлопают рукавицами,
Но, треух отвернув чуток,

Наклоняют ухо и слушают,
Выбирают ту, что нужна,

Чтобы тешила вдоволь душу им.
Голосиста была и нежна.

Выбирают свою, особую,
Среди тысячи голосов
И на слух и на ощупь пробуют
Песню, пляску, грусть и любовь.

Уж чего бы так: ведь гармония —
Не орга́н тебе, не оркестр...
Эх, гармония — филармония
Да и опера сельских мест!

За нее трудовые, кровные
Отдают без боли рубли,
На плечо ремешок — и, словно им
Подвалило счастье, пошли

Лесорубы, шоферы, пахари,
Всё поклонники красоты...
А гармони поют и ахают,
И цветут на мехах цветы.

А базар еще пуще прежнего
Дымный воздух рвет городской
Громкой удалью, грустью нежною,
Буйной радостью и тоской.

родой и, отвечая на вопросы людей, много рассказывал о своей жизни под землей. Он сказал, что после освобождения он долго лечился, а теперь едет на родину, в Донбасс. Куда именно, тов. Витковская забыла, как забыла и фамилию этого человека. Она говорит, что старожилы станции Гришино должны помнить этот случай.

Из города Новоаннинска, Сталинградской области, пишет мне Алексей Балычев. Он вспоминает, что в 1924 или 1925 году встретил на станции Филоново человека, который почти не видел, в сопровождении санитара. Он рассказал Балычеву свою историю, которая в точности была историей бессменного часового. Человек этот ехал, как он сказал, из Минска, где лечился в госпитале, и добирался до родного хутора. Как назывался хутор, Балычев забыл, но вспоминает, что слепой сказал, будто от Филонова до его родных мест остается 130 километров. Он рекомендует мне искать следы этого человека в районе станиц Глазуновской и Роскопенской.

А вот что рассказывает в своем письме работник совхоза имени Тимирязева, Октябрьского района, в Северном Казахстане, Николай Субботенко. Работая в двадцатых годах на сахарном заводе близ Умани, на Украине, он как активный комсомолец участвовал в волостной комсомольской конференции. Проходила эта конференция в Умани, и во время перерыва на обед было объявлено, что делегаты приглашаются в городской цирк, где будет выступать находящийся здесь проездом на родину солдат, который прожил в подземном каземате Новогеоргиевской крепости девять лет. Вместе с товарищами Н. Субботенко побывал в цирке, видел человека в форме солдата царской армии, но без погон, с темными очками на глазах и с лицом, густо заросшим длинными волосами, и слышал его волнующий рассказ. Он пишет, что родом этот солдат из Черниговской губернии. Уманские газеты, по словам Субботенко, потом печатали подробные рассказы о бессменном часовом.

Вот короткое письмо жителя Барнаула Андрея Власенко:

«Уважаемые товарищи! Я прочитал в «Огоньке» очерк Смирнова «Бессменный часовой» и был взволнован, так как в 1943 году встречал подобного человека. Возможно, это был сам герой очерка. В августе — сентябре 1943 года, будучи в резерве 46-й армии, я со штабом армии находился в одном из донских сел в радиусе 100—150 километров от Миллерова. Возможно, это было в Чеботаревке, Митякино, Ср. Митякино, Волховом Яре или на хуторе Шевченко. Однажды вечером, выйдя из хаты, я увидел на завалинке старика лет 65—70. Старик плохо видел. Рядом с ним стояла жена. Я разговорился с ним и был чрезвычайно удивлен, услышав его рассказ. Находясь в армии во время германской войны в Польше, он вместе с другими солдатами охранял подземный склад с обмундированием и продовольствием. Однажды, когда он стоял в карауле, выход был завален взрывом, и дед в одиночку просидел в складе около 10 лет. Словом, это был случай, описанный Смирновым.

Посылая письмо в редакцию, я надеюсь, что оно поможет писателю в розысках неизвестного героя».

Два месяца назад, в дни Октябрьских праздников, мне позвонил инженер одного из ростовских заводов П. П. Плахтюрин, приехавший в Москву. Мы повидались с ним, и он рассказал мне, как в 1947 году ему пришлось заночевать в избе слепого старика — солдата первой мировой войны. П. П. Плахтюрин служил тогда в армии, и его часть стояла в Саратовской области. Однажды зимой Плахтюрина и одного его товарища послал на лыжах с заданием их командир. В одном селе им порекомендовали остановиться на ночлег в избе, где жили слепой дед и его жена-старуха, работавшая сторожем при магазине сельпо. Им сказали, что дед, как старый солдат первой мировой войны, примет военных особенно радушно.

Так и случилось. Они разыскали в магазине сторожиху, и та повела их к себе, сказав: «Дед меня со свету сживет, если я вам откажу». По пути она рассказала солдатам, что ее дед — большой герой, что он много лет охранял военные склады под землей и что за то, что он сделал, могла бы быть большая награда. «А ведь сейчас ему даже и не верят, когда рассказывает,— пожаловалась старуха.— Думают, что выдумал все. И глаза-то он зря потерял: забыли ему завязать глаза, когда наверх выводили из-под земли. Он без света много лет пробыл и как вышел на свет, сразу ослеп. Наши бы не забыли глаза завязать»,— вздохнула она.

Дед оказался еще совсем крепким. На вид ему было лет 60. Глаза у него были чистые и ясные, и не сразу можно было догадаться, что он слеп,— так уверенно он двигался по комнате, мгновенно и уверенно находя любой нужный ему предмет.

В разговоре за столом дед, как бы неохотно и между прочим отвечая на вопросы гостей о себе, рассказал целый ряд подробностей своей истории, полностью совпадающих с деталями подземной жизни подземного часового. Плахтюрину показалось, что старик рассказывал о себе с такой неохотой потому, что до этого

всегда встречал недоверие со стороны слушателей, считавших его рассказ небылицей. Впрочем, тогда и он и его товарищи усомнились в истории старика и из вежливости не стали расспрашивать его подробнее.

Плахтюрин не помнил фамилии деда и не помнил даже названия деревни, хотя с уверенностью называл мне многие соседние села и даже по памяти чертил приблизительный маршрут, по которому они тогда шли вдвоем с товарищем. Не хватало только подробной карты тех мест, чтобы точно определить, в какой деревне произошла эта встреча.

Тогда я позвонил в Госгеокартфонд, где хранятся самые подробные топографические карты нашей страны. Работники фонда любезно согласились помочь и, когда мы приехали, показали нам нужные карты. И тотчас же, сопоставив карту со схемой, начерченной по памяти П. П. Плахтюриным, мы уверенно нашли этот населенный пункт. То была деревня Андреевка, Павловского района, Ульяновской области. Теперь мне предстоит навести там справки об этом старике.

Пусть не смущает читателя разноречивость сведений, собравшихся сейчас у меня. Это — довольно обычное дело, когда идешь по следам какой-нибудь удивительной, почти легендарной истории. Поразительный факт, а иногда и не один факт, превращается постепенно в легенду, разветвляется, обрастает новыми подробностями, деформируется и с годами видоизменяется настолько, что человек, поставивший перед собой цель доискаться до первоисточника, сначала чувствует себя подобно археологу, который обнаружил засыпанные землей развалины и еще не знает, что здесь было: дворец, храм или гробница какого-нибудь древнего владыки. И предстоит осторожно, слой за слоем, удалять слежавшуюся землю, прежде чем обнажатся стены постройки и станут ясными ее назначение и происхождение.

Так и тут. Нельзя пока по наитию отвергать ни одну из версий истории бессменного часового, и я знаю по своему собственному прошлому опыту, что иной раз тот вариант, который на первый взгляд показался самым невероятным, вдруг начинает оправдываться и становится неожиданно непреложной истиной. Каждое из этих сообщений требует тщательной проверки и изучения. Только тогда выявится, какие из свидетельств были основаны на фактах, а какие являются плодом неточности, небрежности, ошибки, путаницы или даже правдоподобной мистификацией.

К сожалению, такие мистификации случаются. Иногда это делают просто по неумному легкомыслию человека, желающего «подшутить», а иногда с более низменными целями — со стремлением примазаться к какому-нибудь хорошему делу, получившему широкую огласку, и использовать это в личных целях. К счастью, таких писем очень немного.

Мне остается рассказать еще об одном любопытном варианте истории бессменного часового. Я слышал о нем и раньше, но тогда счел его преувеличением, недостойным упоминания. Теперь же в нескольких письмах защищается именно этот вариант.

Утверждают, что в 1930 году или даже позже в Польше был отрыт в крепостном подземелье русский солдат, проживший под землей не 9, а 15 лет.

Более подробно сообщает об этом М. С. Денисюк из города Кобрина, Брестской области. Он, живя на территории Польши, читал в 1930 году в местных газетах статьи и заметки о солдате, обнаруженном именно в то время при раскопке крепости Осовец. Как сообщали газеты, часовой долго не пускал польских солдат в склад, заявляя, что его может снять с поста только разводящий, а если его нет, то «государь император». Когда ему объяснили, что уже нет и царя, а крепость принадлежит Польше, он спросил, кто в Польше главный, и, узнав, что президент, потребовал его приказа. Лишь когда ему прочитали телеграмму президента, он вышел наверх и сразу ослеп. Солдат оказался якобы рядовым 15-го Сибирского полка Иваном Ивашиным и пробыл под землей 15 лет.

Доводя до сведения читателей этот вариант, я пока что не могу ничего сказать ни в его защиту, ни в опровержение. Все выяснится в дальнейших розысках.

Любопытно, что похожие на историю бессменного часового случаи известны и в других странах. Так, профессор Словацкого политехнического института в Братиславе А. Георгиевский пишет мне, что в 1922—1923 годах в одной из французских крепостей был обнаружен солдат, проживший под землей около пяти лет. Другой читатель указывает, что когда-то французская печать писала о солдате, замурованном в подземных складах крепости Верден и освобожденном спустя девять лет.

Но самое интересное то, что, оказывается, подобные случаи были и во время Великой Отечественной войны. Одна читательница сообщила мне, что будто бы при восстановлении Воронежа после войны из-под развалин каких-то складов извлекли солдата, который с двумя товарищами был засыпан там в 1942 году. Другой читатель сообщает, что в городе Правдинске, Калининградской области, в 1950 году были отрыты из глубокого подземного склада четверо советских воинов, засыпанных в подземелье в дни боев за Кенигсберг.

Наконец, три письма посвящены одному и тому же случаю. Тов. Голубев из Ленинграда, В. В. Перерва из города Дзержинска, Сталинской области, И. Ф. Тимченко из города Богородска, Горьковской области, передают рассказ о том, что во время боев в Крыму двое или трое матросов-севастопольцев были засыпаны взрывом в подземном складе и пробыли там несколько лет.

Как бы то ни было, я, не принимая пока на веру ни одной из этих версий, обращаюсь с просьбой ко всем, кто знает что-нибудь о таких бессменных часовых Отечественной войны — то ли в Севастополе, то ли в других местах,— сообщить мне все, что о них известно.

Заканчивая этот обзор, я снова прошу тех, кто прочтет эту мою статью и кто знает что-нибудь о подземном узнике времен первой мировой войны, написать мне о нем.

ПОБЕСЕДУЕМ, ПОДУМАЕМ, ПОСПОРИМ.

Живет ли на Марсе Аэлита?

Если бы в наше время, как бывало в древности у иных племен и народов, каждому году давали наименование животного,— прошедший шестидесятый мы назвали бы годом Белки и Стрелки. «Первые космические путешественники вернулись на Землю!» С той минуты, как эта фраза обошла мир, в трамвае и очереди за газетой, на привале туристов и в заводской столовой не утихают споры. Как там, в космосе? Что там? Или, может быть, кто там? Что узнают на других планетах первые астронавты? Что нового откроют на Марсе ученые в период очередного противостояния, которое наступило 30 декабря?

Об этом спорят, об этом пишут в редакцию «Огонька» Н. Митягин из города Людиново, В. Харитонов из Якутии и П. Музычук из Винницкой области. Это пытаются изобразить на нашей цветной вкладке молодые художники А. и В. Соколовы. На эти вопросы отвечают сегодня читателям по просьбе редакции академик В. Г. Фесенков и кандидат наук Ф. Ю. Зигель.

Может быть...

Ф. ЗИГЕЛЬ,
кандидат педагогических наук

Сейчас, когда вы читаете эти строки, Марс, подчиняясь законам небесной механики, стремительно приблизился к Земле. Снова телескопы нацелены на загадочную планету. Снова ее изображение исследуется всеми средствами современной оптической техники. И снова человеческая мысль пытается найти решение волнующих тайн соседнего мира.

ПЛАНЕТА, ПОЛНАЯ ЗАГАДОК

Более ста лет спорят люди о необъяснимых, казалось бы, загадках Марса. Но, может быть, наши споры, неудачи понять эту планету вызваны слишком «земным» подходом к ней? Ведь на Марсе, в обстановке, мало похожей на земную, могут происходить явления, просто незнакомые нам по опыту?

Газовая оболочка Марса весьма разреженна, но далеко не всегда прозрачна. Например, в 1956 году какие-то желтоватые туманы подолгу скрывали от нас часть марсианской поверхности. По-видимому, это были пылевые бури, бушевавшие во взбудораженной Солнцем атмосфере Марса.

Еще более загадочны так называемые «фиолетовые» туманы. Их видно лишь на фотоснимках Марса, сделанных сквозь фильтры, пропускающие фиолетовые лучи. На снимках странные туманы выглядят белыми полосами, закрывающими часть марсианского диска. Может быть, это облака из мельчайших ледяных кристалликов, а может быть, и что-нибудь иное. Проблема пока остается нерешенной.

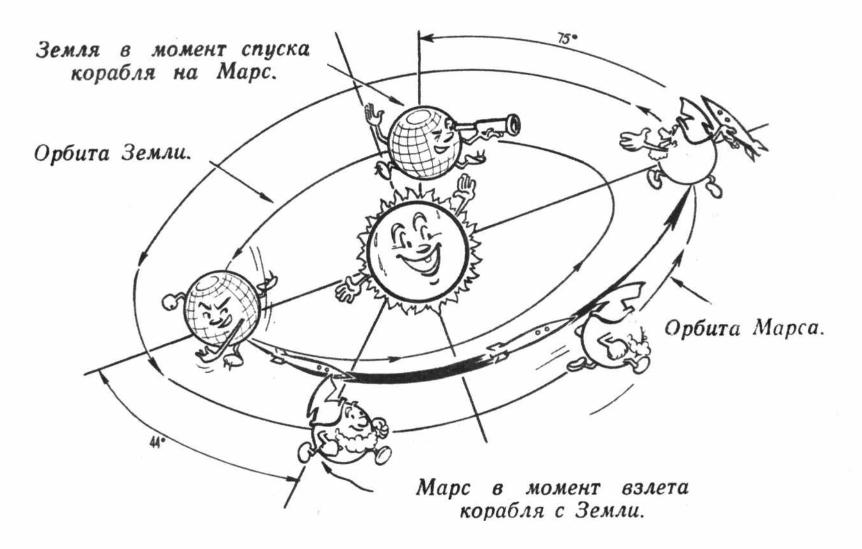
Но главные загадки таит в себе поверхность соседней планеты. В телескоп легко различить огромные красновато-оранжевые пространства пустынь, синевато-зеленые пятна марсианских «морей» и ослепительно белые полярные шапки.

Если судить по аналогии с нашей Землей, оранжевые пустыни Марса должны напоминать Сахару. Но окраска марсианских пустынь, изученная с высокой точностью специальными приборами, непохожа на цвет земных песчаников. Более того, до сих пор не удалось найти такую земную породу, цвет которой был бы неотличим от цвета пустынь Марса. Скорее всего, материки Марса покрыты лимонитом — разновидностью бурых железняков.

Что касается марсианских «морей», то и тут ученые еще не могут прийти к единому решению. Когда-то «моря» считали мелкими водоемами или скопищами грязи, иногда смачиваемой влажными ветрами. Совсем недавно была высказана гипотеза, что «моря» Марса покрыты толстым слоем вулканического пепла.

Но все эти предположения оказались бессильными объяснить многие факты. И пока победила гипотеза, впервые выдвинутая сто лет назад, в 1860 году. В ней «моря» Марса рассматриваются как области, покрытые растительностью.

Эта гипотеза была разработана и подробно обоснована знамени-

тым советским исследователем Марса Г. А. Тиховым.

Изучив оптические свойства марсианских «морей» и земных растений, живущих в суровых климатических условиях, Тихов нашел между ними большое сходство. Так зародилась астробиология — наука о жизни на других планетах.

В 1956—1958 годах американский астроном Синтон, применив сложную аппаратуру, нашел в спектре марсианских «морей» полосы поглощения органических молекул. Тем самым идеи Г. А. Тихова нашли себе окончательное опытное подтверждение.

Но вопрос о характере марсианских растений остается нерешенным. Похожи ли они на земные? Или, может быть, имеют особое строение, сложившееся в итоге длительной эволюции в суровом марсианском мире? Когда-нибудь, со временем, человек ответит на эти вопросы, а возможно, даже соберет марсианский гербарий.

Самые загадочные образования на поверхности Марса — это его знаменитые «каналы».

В мощные телескопы можно видеть, как «каналы» распадаются на отдельные темные пятнышки, по своим оптическим свойствам схожие с «морями».

Загадочные сезонные изменения «каналов» — их периодические потемнения, связаны с распространением влаги от полюсов Марса к его экватору. Влага не может переноситься влажными ветрами: воздух Марса слишком для этого сух. Может быть, под почвой Марса есть невидимая оросительная сеть искусственных трубопроводов?

В 1954 году на Марсе неожиданно было открыто новое темное пятно, ранее никем не наблюдавшееся. По своим оптическим свойствам оно неотличимо от марсианских «морей». Откуда взялось это «море» растительности? Неужели перед нами проявление сельскохозяйственной деятельности марсиан, о возможности которой еще десять лет тому назад писал Г. А. Тихов?

Трудно представить себе, чтобы в суровых условиях Марса могла существовать родственная нам цивилизация. Но, с другой стороны, хорошо известно, что живые организмы обладают удивительной приспосабливаемостью к, казалось бы, самым неблагоприятным для жизни условиям.

«Жизнь — явление упорное», — говорил Г. А. Тихов. И совсем недавно снова найдены блестящие подтверждения этой мысли. В начале 1960 года батискаф с двумя учеными достиг дна в самой глубокой части мирового океана и там под чудовищным давлением воды, в условиях полного мрака была обнаружена живая рыба. А в это время в самом сердце Антарктиды термометры советских ученых зафиксировали поистине космические морозы — почти до 90 градусов ниже нуля. Такие холода являются редкостью даже на Марсе.

Заметим, что суровость природы Марса не должна быть гибельной для его разумных обитателей. Кислорода на Марсе очень много в минералах его поверхности. При необходимости его можно легко выделить химическим путем. Недостаток влаги можно восполнить использованием подпочвенных льдов, которых на Марсе, по-видимому, очень много. Придет время, люди высадятся на поверхность Марса и будут подробно исследовать эту загадочную планету. Но если разумные обитатели Земли смогут жить в условиях Марса, почему это невозможно для марсиан?

Оживленный спор вызвала гипотеза известного советского ученого И. С. Шкловского, объяснившего особенности движения спутников Марса Фобоса и Деймоса их искусственным происхождением. По расчетам Шкловского, ускорение в движении этих крошечных лун удается объяснить сопротивлением марсианской атмосферы, если допустить, что средняя плотность Фобоса и Деймоса очень мала. Но в этом случае оба спутника Марса должны быть полыми шарами — форма, невозможная для естественных небесных тел, но вполне мыслимая для искусственных сооружений.

Независимо от расчетов И. С. Шкловского, трудно себе представить, как могли бы иначе появиться Фобос и Деймос. Они не отделились от планеты — для этого слишком малы их массы, и, кроме того, Фобос обращается вокруг Марса быстрее, чем Марс вокруг своей оси.

Спутники Марса не захвачены им и откуда-нибудь извне — в этом случае их орбиты не были бы круговыми и одновременно лежащими в плоскости марсианского экватора. Не могли они сконденсироваться и из протопланетного облака по теории О. Ю. Шмидта — в этом случае из-за малости масс Фобос и Деймос имели бы сильно вытянутые орбиты, к тому же лежащие в разных плоскостях.

Удивительна история открытия Фобоса и Деймоса. Их искали уже со времен Кеплера все крупнейшие астрономы мира, в том числе Гершель и Лассель. В распоряжении последних были исполинские рефлекторы с поперечниками зеркал 122 сантиметра. В эти мощные телескопы Гершель и Лассель открыли четыре спутника Урана, гораздо более трудных для наблюдения, чем Фобос и Деймос. Однако, несмотря на самые тщательные поиски, и Гершель и Лассель спутников Марса не обнаружили. Их не видели и в 1862 году — в год очередного великого противостояния Марса, и тогда сложилось единодушное убеждение, что Марс лишен спутников.

Но вот наступил 1877 год, и спутников Марса неожиданно увидели, причем сразу в нескольких обсерваториях. Замечательно, что их удалось наблюдать даже в телескопы с поперечником в 19 и 16 сантиметров, несравненно менее мощные, чем исполинские рефлекторы Гершеля и Ласселя. И с тех пор Фобос и Деймос регулярно наблюдаются в обычные телескопы средней силы.

Напрашивается естественный вывод: спутников Марса не видели до 1877 года просто потому, что их не было. Они были созданы всего около ста лет назад.

Возможно, что И. С. Шкловский и поддерживающие его ученые ошибаются. Другой советский ученый, Н. Н. Парийский, недавно показал, что при определенных гипотезах о внутреннем строении Марса движение Фобоса и Деймоса удается объяснить их приливным взаимодействием с планетой. Какая из этих гипотез соответствует действительности? Будущее покажет...

КАК ПРОЕХАТЬ НА МАРС?

Вопрос этот не раз пытались решить авторы фантастических романов и ученые.

Не искушенному в астронавтике человеку может показаться, что проще всего полететь на Марс по прямой. Но даже на Земле кратчайший путь не всегда наилучший. Иногда препятствия таковы, что приходится выбирать окольные дороги. Так и в космосе.

Почему же перелет Земля — Марс по прямой невозможен? Земля летит вокруг Солнца со скоростью 30 километров в секунду, и потому при прямолинейном полете на Марс прежде всего придется «погасить» эту скорость. Сделав это, надо затем направить ракету на Марс, преодолевая тяготение Земли и Солнца. Все это вызовет дополнительные затраты топлива.

Самое лучшее в смысле расхода топлива — это использовать орбитальное движение Земли. Расчеты показывают, что наивыгоднейшей траекторией является эллипс, касательный одновременно к орбитам Марса и Земли. Ракета запускается в сторону движения Земли, и, следовательно, по отношению к Солнцу ракета уже до старта будет иметь скорость 30 километров в секунду. Расход топлива пойдет лишь на преодоление тяготения Земли.

Так как и Марс и Земля движутся по своим орбитам с разными скоростями, то вылетать на Марс можно лишь тогда, когда угол между направлениями с Солнца на Землю и на Марс составит примерно 45 градусов, причем Марс будет идти впереди Земли.

Развив скорость около 11,6 километра в секунду относительно Земли, космическая ракета может далее лететь с выключенным двигателем без затраты топлива. Ее увлечет по касательному эллипсу тяготение Солнца, для которого ракета, в сущности, сделалась искусственным спутником.

Через 258 суток ракета подлетит к Марсу, а затем снова начнет приближаться к Земле. Но когда ракета вернется в район старта, Земли там уже не будет. Ведь периоды обращения вокруг Солнца Земли и ракеты различны. Без дополнительного вмешательства извне встреча ракеты с Землей может вовсе не состояться или наступит весьма не скоро.

Теперь представьте, что экспедиция с Земли благополучно высадилась на Марс. Приготовьтесь сразу же к длительной «командировке» на эту планету. Ведь расчеты показывают, что вылететь обратно на Землю вы сможете не раньше чем через 450 суток.

Таким образом, путешествие на Марс займет около трех лет.

Но есть способ сократить сроки путешествия. Для этого необходимо увеличить расход топлива ракеты. Когда мы сможем себе позволить такую расточительность, полет к Марсу может быть совершен не по касательному, а по одному из секущих эллипсов. При этом Марса можно будет достигнуть через месяцы или даже недели.

Уже первые полеты к Марсу дадут очень много ценного для науки. Фотографирование с близкого расстояния его загадочной поверхности, его удивительных спутников, вероятно, сразу же решит многие из загадок Марса. А затем за первыми разведывательными полетами на Марс отправится когда-нибудь и первая экспедиция. И только тогда будет ясно, встретим ли мы на Марсе Аэлиту...

Едва ли...

В. Г. ФЕСЕНКОВ,
действительный член Академии наук СССР

Несмотря на то, что Марс обычно удален от Земли почти на 400 миллионов километров, ученые довольно хорошо изучили эту планету.

Точно известно, что с наступлением лета на Марсе тают полярные шапки. Тепла Марс получает меньше, чем Земля, а таяние происходит довольно быстро. Это говорит о том, что снег там не такой, как у нас. Он представляет собою вид изморози или инея. Постоянно на одних и тех же местах остаются белые точки. Это марсианские горы, вершины которых покрыты вечными снегами. Астрономы давно заметили на Марсе, на его общем красноватом фоне темные пятна. Долгое время их принимали за моря. Но теперь совершенно точно установлено, что влаги на Марсе чрезвычайно мало и открытых водоемов там вовсе нет. Марс покрыт пустынями, а темные пятна — это «оазисы». Летом эти пятна становятся более зелеными, чем окружающие пустыни.

Что же это такое? Может быть, на Марсе, так же, как и у нас, на Земле, одеваются в свой зеленый убор леса, пробивают почву сочные травы? Может быть, там есть жизнь, подобная нашей, земной жизни?

Нет, мне думается, что на Марсе нет высокоорганизованной жизни. Там нет растительности и, конечно, нет животных. Какие имеются основания утверждать это?

Во-первых, на Марсе нет свободного кислорода. Никакие самые тщательные исследования не смогли его обнаружить. А ведь именно свободный кислород, являясь продуктом жизнедеятельности растений, — первый признак существования растительности на планете. Далее. Зеленые пятна на Марсе не поглощают солнечную энергию на химические процессы. Вспомните, как у нас, на Земле, в жаркий день накаляется песок, а рядом трава продолжает оставаться прохладной. Это потому, что траве солнечная энергия нужна для жизни, для происходящих в ней химических процессов. На Марсе же температура «оазисов» даже выше, чем пустынь. И, наконец, любая площадь, покрытая растительностью, если посмотреть на нее сверху, имеет неровную поверхность. Свет от нее отражается по иным законам, чем от поверхности гладкой, лишенной растительности. Красные и зеленые пятна на Марсе отражают свет по одним и тем же законам. Итак, зеленые пятна неверно считать марсианским растительным покровом в том смысле, как мы понимаем эти слова. Но что же все-таки они собою представляют?

В 1956 году было очередное великое противостояние Марса. Планета была окутана красноватой дымкой — результат прошедших песчаных бурь, — и потому наблюдать ее было очень трудно. Но все же именно в это противостояние и в последующие два года было сделано исключительно важное открытие. При помощи спектрального анализа на Марсе была обнаружена органическая молекула типа CH. Она появляется только тогда, когда «оазисы» зеленеют. На красноватых пустынях эта молекула не обнаружена. Кроме того, замечено, что в период позеленения на Марсе происходит изменение световых колебаний, отраженных этими пятнами.

Простыми физическими факторами объяснить это явление трудно. Очевидно, оно связано с какими-то изменениями в самой структуре «оазисов».

Это дает основание предположить, что на Марсе происходит развитие какой-то органической материи.

Иными словами, нельзя отрицать, что на Марсе существует какая-то органическая жизнь, но, разумеется, в простейшей форме.

На внеземном космодроме дан старт очередной звездной экспедиции. Вспышка освещает провожающих.

К эпицентру извержения вулкана на Меркурии приближается шагающий корабль.

Сквозь хвощи и болота Венеры пробирается вездеход-танкетка.

В атмосфере Сатурна плывет спиралодиск-исследователь...

Выход готовой продукции. Рисунок М. Ушаца.

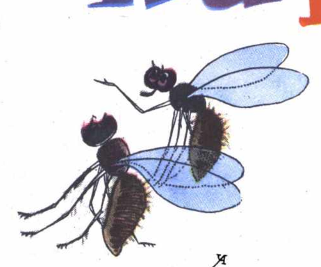
Сегодня ночью в Москве ожидается снег.
Рисунок М. Ушаца.

Новогодний карнавал

НОВОГОДНИЙ ГУСЬ

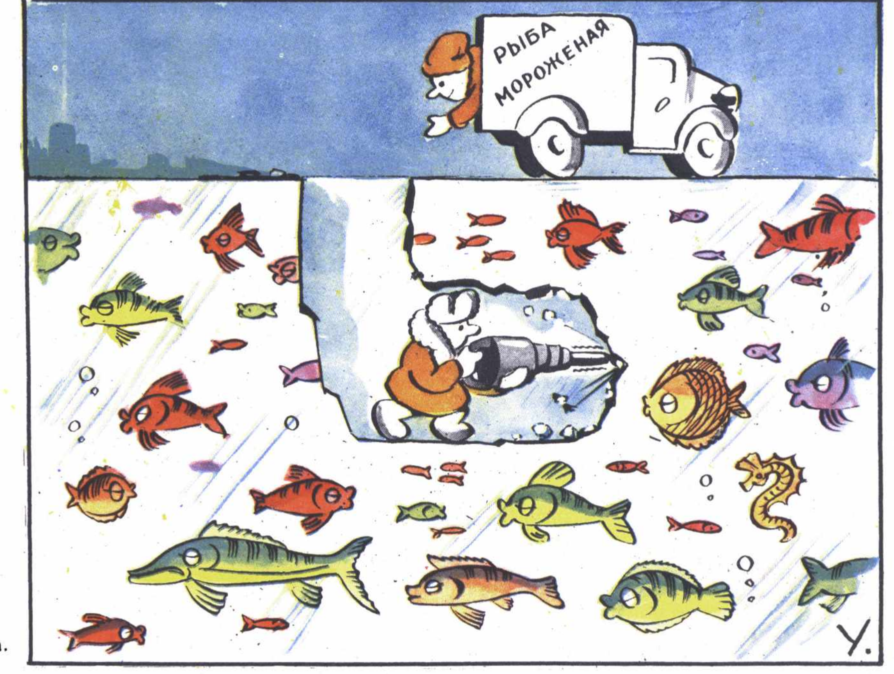

— Так вот где моя электробритва!
Рисунок Б. Боссарта.

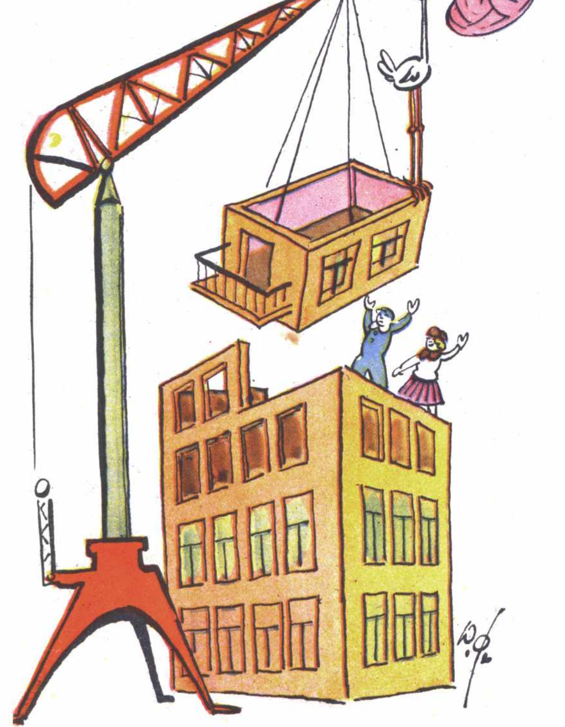

— На этой мухе все неземное: ее мама летала в космос!
Рисунок А. Чумаченко.

Сон заготовителя. Рисунок М. Ушаца.

Подарки молодоженам.
Рисунок Ю. Федорова.

Перепутала клубок.
Рисунок В. Сигачева.

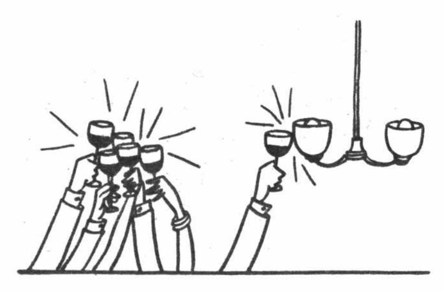
КАРТИНКА ИЗ СРЕДНИХ ВЕКОВ

— Из-за качества вашей продукции я проиграл турнир!
— Претензии не принимаем, обращайтесь в мастерскую гарантийного ремонта.
Рисунок Е. Ведерникова.

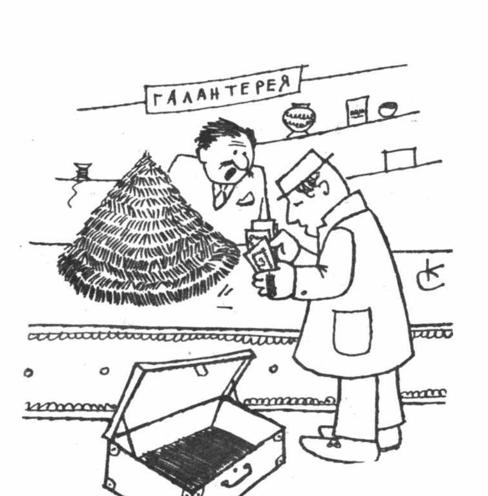

— Где такую шапочку приобрели?
— За углом.
Рисунок В. Соловьева.

Без слов.
Рисунок Р. Овивяна.

— Зачем вам столько иголок?
— Хочу сделать елку.
Рисунок С. Крылова.

Еж-сердцеед.
Рисунок Гр. Оганова.

Зимняя фантазия.
Рисунок Р. Овивяна.

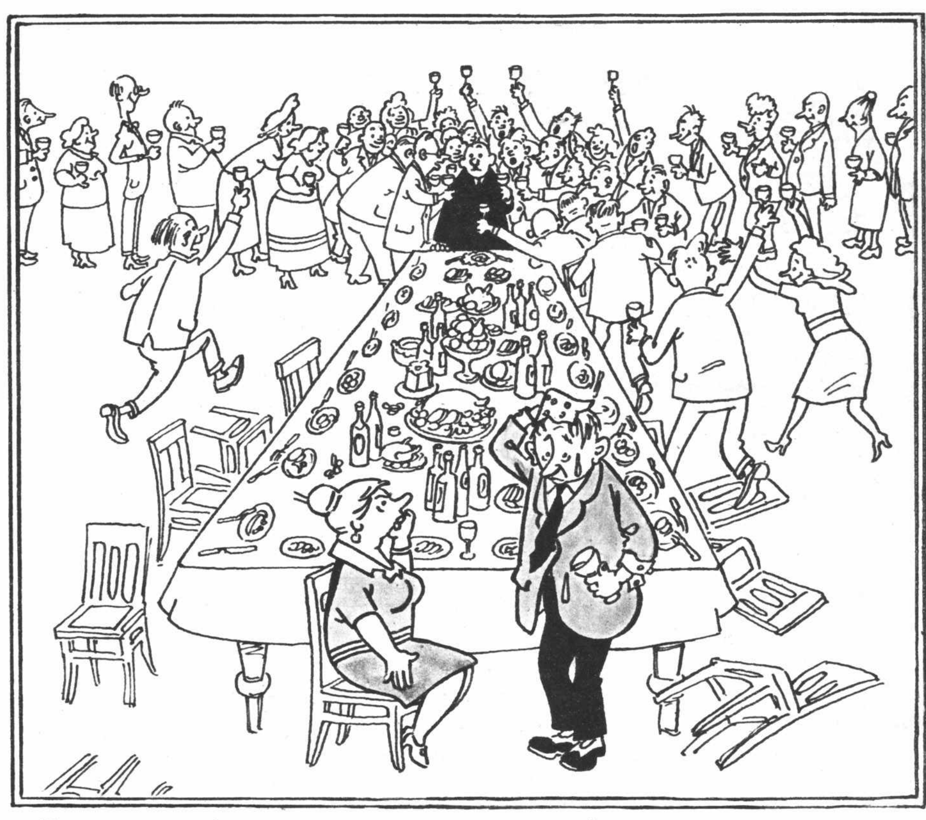

Не по зубам.
Рисунок Ю. Черепанова.

Новогодняя встреча.
Рисунок А. Волкова.

— Пригласил на праздник директора и никак не могу к нему подступиться.
Рисунок Н. Гурло.

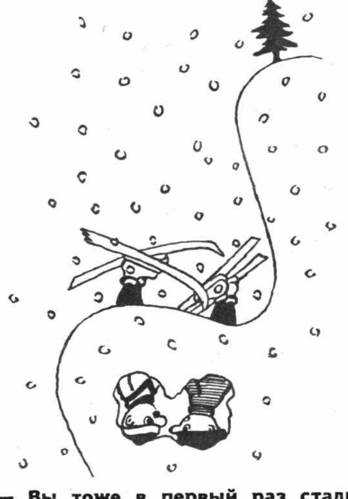
Маскарад в цирке.
Рисунок Л. Самойлова.

— Я, пожалуй, подожду еще десять минут.
Рисунок В. Петрова.

В обеденный перерыв.
Рисунок В. Воеводина.

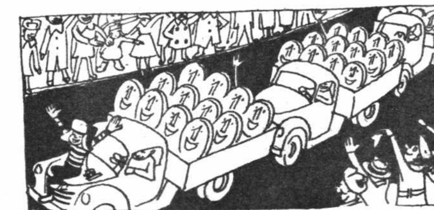

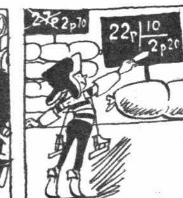
— Вы тоже в первый раз стали на лыжи?
Рисунок А. Волкова.

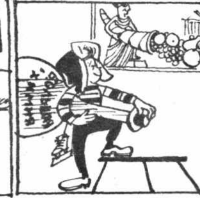
Вот идет Новый год

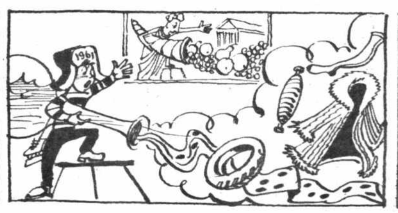
Вы, конечно, меня узнаете? Я Новый год. А все, что я вам расскажу, я видел в ночь моего появления на земле. Я въехал в город на белом грузовике во главе самых молодых, самых надежных в мире рублей. По пути я решил не терять времени даром. Прежде всего я исправил старые цены на новые. В магазине «Химия» мне захотелось быть похожим на доисторического грека, чей портрет висел на стене. Вот так рог изобилия! Вещей было так много, что пришлось спасаться бегством. Зато удалось прокатиться на колбасе.

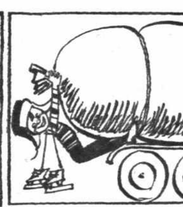

МОНОЛОГ ПОКУПАТЕЛЯ

Р. РОМА

Что вы делаете? Думаете, я не вижу? Колбасу завернули в одну бумагу, а на вторую сторону весов кладете другую бумагу, гораздо толще. Как это я не вижу? Я все вижу! Вы же меня обжуливаете! Обкрадываете! Вы же воровка! Кто сказал: воровка? Я сказал: воровка? Вы сами воровка! Кругом жулье, а еще оскорбляют! А вы не вмешивайтесь, вас не спрашивают! Она меня сама нервирует. Я у нее три раза спросил про масло, а она только на третий раз ответила. Ну и что, что взвешивали? Вы же не ушами взвешивали, могли ответить! А вы не суйтесь в чужой разговор! Стоите, как идиоты, и стойте! Кто сказал: идиоты? Я сказал: идиоты? Сами вы идиоты! Да вы что! Куда я попал? Сумасшедший дом какой-то! Что это вы все на меня кидаетесь? Я не с вами разговариваю, а с ней. И вообще посмотрите на нее, разве можно с таким лицом отпускать пищевые продукты? Стоит вся в красных пятнах, как гиена. Вы посмотрите, какая рожа! Кто сказал: рожа? Я сказал: рожа? Сами вы рожа!

Черт знает что! Почему вы все орете? А вы здесь вообще не стояли! Куда ни пойдешь — всюду скандал! Ехал в троллейбусе — скандал, зашел в булочную — тоже скандал. Вот знаю: сейчас приду домой — в квартире только меня и ждут, чтобы затеять скандал. Где моя авоська? Тут только что лежала авоська, и уже украли. Ах, вот она, сам вижу! Нигде нет покоя, кругом одни психи. Кто сказал: психи? Я сказал: психи? Сами вы психи!

ИСПОЛНЯЕТ АРКАДИЙ РАЙКИН

Вы сами воровка!

А вы не вмешивайтесь, вас не спрашивают!

Куда я попал? Сумасшедший дом какой-то!

Что это вы все на меня кидаетесь?

ДЕД МОРОЗ ПРОСИТ СЛОВА

Фельетон

Евгений **КОРШУНОВ**

Рисунки Ю. Узбякова.

Всякому овощу свое время. Пришло время и Евлампия Дюдюкина, массовика при Доме пионеров города Малинова. С первым завыванием декабрьской вьюги Евлампий был вызван в кабинет директора.

— Слышишь? — сурово спросил его «сам», ткнув пальцем в направлении расписанного морозцем окна.

— Слышу! — охотно подтвердил Евлампий.

— Готовишься?

— Готовлюсь.

— Хм... Так... Тулуп я распорядился хорошенько проветрить, а то в прошлый Новый год так нафталином несло, что детишки чихали. А вот бороду... бороду не уберегли. Моль попортила... Новую бороду тебе сошьем... Нос тоже реставрируем. И чтоб ни-ни! Понял? Не злоупотребляй! А то в прошлый раз сказал: «С Новым годом, лапочки!» — и завалился спать под елку.

— С морозу разобрало. Разморило... — стыдливо пробасил Дюдюкин, разглядывая свои валенки.

— С морозу! Конечно, работа трудная. А все-таки... Аморально действует на детскую психологию, если дед мороз под мухой. Ты лучше эти свои пережитки брось! И вообще, Дюдюкин, как дед мороз ты должен расти. Повышать свое общественно-политическое... Ну вот, к примеру, что ты несешь, когда сеанс проводишь?

— Так, — неопределенно протянул Евлампий.— Разное... В соответствии с линией... Стишочки там, песенки...

— Врешь, извини ты меня, Дюдюкин. Всякую чушь ты несешь.

— Да откуда же слова взять, товарищ директор? Это, говорят, в столице дедам морозам хорошо: каждому персональное слово изготовляют. А нам каково, провинциальным? Мы здесь на полном самообслуживании...

— Н-да... Оно, конечно, так, — задумался директор.

Через минуту он звонко хлопнул себя ладонью по лысине:

— Эврика! Нашел! Командируем тебя, Евлампий, в столицу для повышения квалификации. Побудешь там, среди центральных дедов морозов, потолкаешься, потрешься. Разузнаешь что к чему — и назад. Донесешь, так сказать, столичную культуру до отдаленных центров периферии.

И Дюдюкин отбыл в столицу.

Столичные деды морозы оказались ребятами своими в доску. Они грохотали лужеными глотками и были не дураки выпить. От своих провинциальных собратьев москвичи отличались размахом и широтой натуры. Обмен опытом состоялся в голубом зале ресторана «Прага».

— Голуба! — трубил под конец столичный маэстро, которого Евлампий пригласил с целью выведывания секретов мастерства.— Люблю тебя, голуба! За идею люблю. Ведь кто мы с тобой такие? С одной стороны, тьфу, пережиток, фикция, а с другой — жрецы!

И маэстро воздел горѐ мясистый волосатый палец.

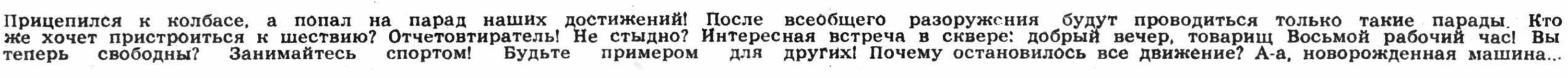
— Ведь в деды морозы не каждый подойдет. Комплекция необходима соответственная — раз, голос — два, нос подходящий — три, ну и вообще...

— Голос — это да, — поддакнул Евлампий. — Да что голос, когда слов нет? Меня наш директор цветом моего носа попрекает, а были бы слова...

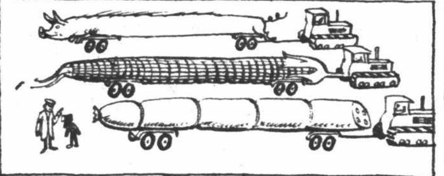
— Понимаю, слова, слова! Полцарства за слова...

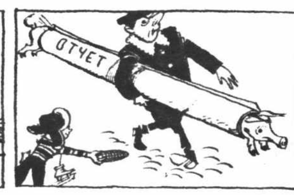
— Сколько? — понял намек Евлампий.

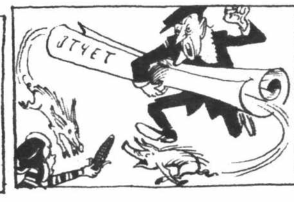
Маэстро по дружбе полцарства не заломил, он ограничился ужином. По рукам ударили тут же, после чего Евлампий получил пух-

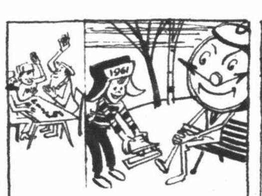

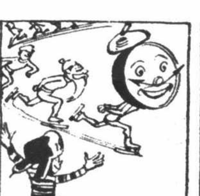
Прицепился к колбасе, а попал на парад наших достижений! После всеобщего разоружения будут проводиться только такие парады. Кто же хочет пристроиться к шествию? Отчетовтиратель! Не стыдно? Интересная встреча в сквере: добрый вечер, товарищ Восьмой рабочий час! Вы теперь свободны? Занимайтесь спортом! Будьте примером для других! Почему остановилось все движение? А-а, новорожденная машина...

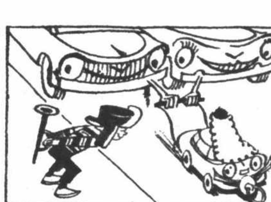

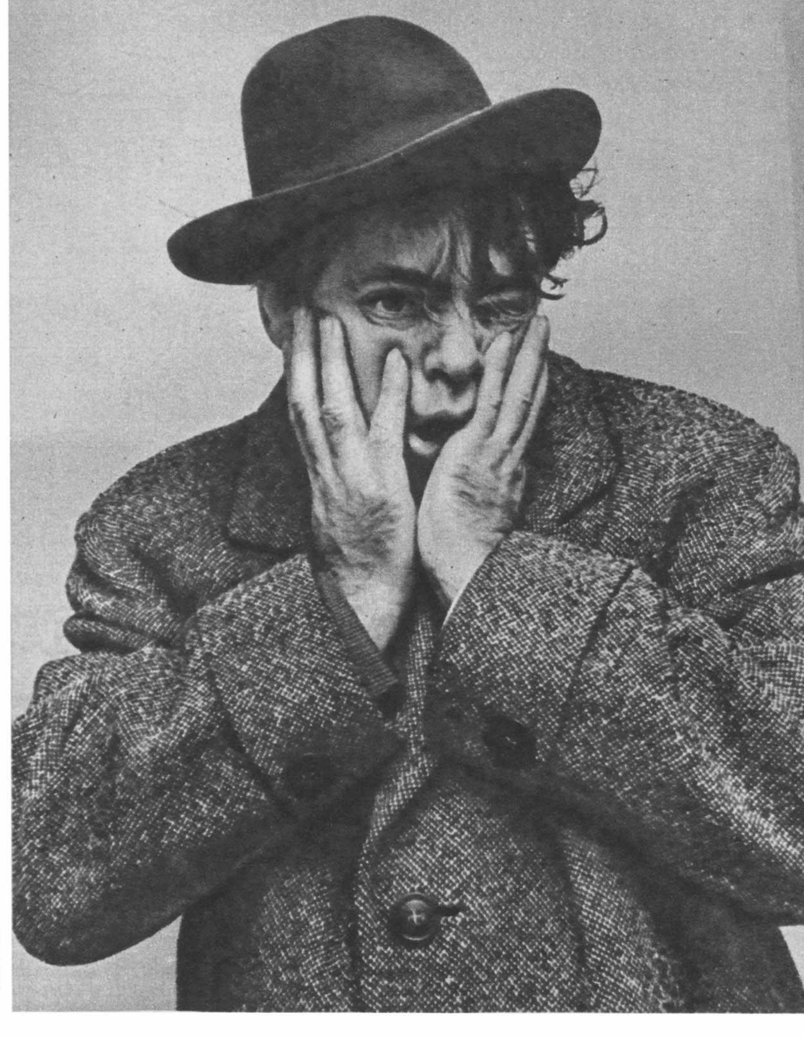

Вы же не ушами взвешивали!

Кто сказал идиоты? Я сказал идиоты?

Разве можно с таким лицом отпускать пищевые продукты?

Вы посмотрите, какая рожа!

Нигде нет покоя, кругом одни психи.

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

лую пачку «слов», отпечатанных на стеклографе. Литература была отнюдь не подпольной. «Отпечатано в стеклографии ЦДСА 19 ноября 1960 г. № 249» — значилось на тетрадочке, по-деловому озаглавленной «Материалы для проведения детского новогоднего представления». Были указания и на другое время и место изготовления.

Вручая пачку, маэстро благодушно икал и приговаривал:

— Держи, голуба. Держи, хороший ты человек! Вот оно, слово, в твоих руках. Волшебное слово! Благодарить будешь: вся дедморозовская общественность с этим работает...

Прямо из ресторана Дюдюкин потрусил на вокзал. В его душе, несмотря на декабрь, цвели майские розы. Волшебное слово само рвалось на язык. В купе, переступая от нетерпения ногами, Евлампий забрался на третью, багажную полку и, отрешившись от всего земного, приступил к репетиции.

С Новым годом поздравляем
От души мы всех ребят,
Поздравляем и желаем
Мы вам самых лучших благ...

Начало пока что не увлекало. Продолжение тоже не радовало.

Мы призываем вас сейчас
Побольше в танцах потрудиться.
Ведь кто умеет лучше нас
Шутить, и петь, и веселиться?!

«Таким-то пожеланиям, — подумалось Дюдюкину, — грош цена...» В душе Евлампия зашевелились сомнения: не подделка ли?

Но нет, на последней странице публика оповещалась, что «программа проведения новогодней елки для учащихся 1—4-х классов составлена методистом-массовиком Московского городского Дома пионеров Ефимовой М. Н.».

Дюдюкин перевернул страницу и наткнулся на «рифмованные загадки «Добрый Дедушка Мороз».

С кем давно мы ждали встречи?
Кто подарки нам привез?
Кто зажег нам елки, свечи?

От горящих елок и свечей Евлампия прошиб холодный пот. Халтура!

Дюдюкин судорожно схватил следующий текст:

А когда к вам на елку приехал,
Захватил по три килограмма
смеха
И по фунту веселья для
каждого из вас.

Дюдюкину показалось, что он в старорежимном бакалейном лабазе, где счет шел еще на фунты. А неизвестный автор отпечатанных в стеклографии ЦДСА «слов» шпарил без стеснения:

На высокой на горе
Видел город в серебре.
Пушки в городе палят...

Слава богу! Сейчас будет проверенная строка: «Кораблю пристать велят»... Но не тут-то было! Аноним утверждал другое:

Пушки в городе палят,
Звезды красные горят.
Трубы звонкие поют,
Году новому — салют!

Дальше должна была подхватить Снегурочка:

Я желаю вам удачи
И в учебе и в труде:
Хорошо решать задачи,
Отличиться и в письме!

Все было ясно. Неизвестный автор в письме действительно отличился. Не отставали от него и коллеги, выступившие с открытым забралом. Так, Ф. Званна в «Праздничном представлении «С Новым годом» заставила беднягу Буратино отрекомендоваться просто безграмотно:

Деревянный я мальчишка,
Длинноносей меня нет,
Настоящим ребятишкам
Мой привет, привет, привет!

Л. Сосновик тоже не мудрствует лукаво.

С Новым годом поздравляю,
Счастья, радости желаю! —

печатно заявляет он в своем «Представлении у елки». А. Михайлов рекомендует деду морозу в детском саду веселить малышей следующим образом:

Ну-ка, зайка, попляши
Да ногами попиши!

— Не надо зайцам писать ногами! Халтурщики! — простонал окончательно сраженный Евлампий. — За что деньги берут? Думают, дети — маленькие, не поймут? А взрослые куда смотрят? Не буду я этот бред читать! Лучше уж скажу: «С Новым годом, лапочки!» — и пойду спать под елку...

Говорят, что финансовый отчет, представленный Евлампием Дюдюкиным, дедом морозом из провинциального городка Малинова, директором Дома пионеров утвержден не был.

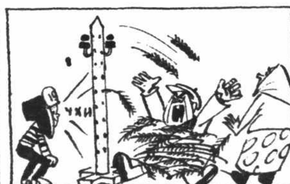

Да это микролитражка «Запорожец»! Ох, и лихо пляшет гопак! А что дальше? Елки... (чихает)... палки! Да, в декабре снега было маловато, надо запастись на всякий случай — купить хлопушку. Так и знал: дедам морозам пришлось в декабре туго. Если бы не холодильники, наверняка бы погибли. Берите снег! Я не жадный! С Новым годом!

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

— О! Бачите, каструля? Дешевый новогодний подарунок и зразу для всих. А ну, Штепсель, давай продемонстрируем!.. — воскликнул Тарапунька.

Для наших бабушек — это кастрюля.

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Юрий ТИМОШЕНКО и Ефим БЕРЕЗИН

Для наших жен — уже модные шляпки.

ЗА КУЛИСАМИ СМЕХА

УНИКАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

БЕЗ ШПИЛЯ

Борис ЕГОРОВ

Заведующий горкомхозом Стремянкин брел с работы домой. День, полный забот и треволнений, остался позади. Еще десять — пятнадцать минут, и Стремянкин сидел бы с женой за семейным ужином. Ел бы жареного цыпленка, поливая его острым соусом.

Но цыпленку суждено было бесславно остыть.

На улице Стремянкин повстречал Володю, шофера секретаря облисполкома.

— Здравствуйте, — приподнял фуражку Володя.

— Привет! Как жизнь?

Скажи Володя стандартное «ничего», Стремянкин кивнул бы и пошел дальше. Но шофер, настроенный, видимо, поговорить, ответил:

— Суета. Весь день на колесах. Где только не был сегодня!

Стремянкин заинтересовался:

— Куда же это вы со Степаном Саввичем ездили?

— В тысячу мест. На птицеферму. В совхоз. На стройку моста. Даже к рыбакам заглянули. Едем назад. Ну, думаю, все. Хоть домой перекусить скатаю. А он за плечо меня трогает: «Останови-ка. Мимо архитектурной мастерской проезжаем. Надо посмотреть, что там делается». А потом...

— Подожди, подожди, — перебил Стремянкин.— Что в мастерской делали? Долго там были?

— Минут пять. Он даже ни с кем не говорил. Архитекторы на обед ушли. Походил, посмотрел проект вашей гостиницы и уехал.

— Ну, а о проекте что-нибудь сказал?

— Нет, — ответил Володя. — Так, два слова...

— Каких? — насторожился Стремянкин.

— Разглядывал верх и сказал: «Без шпиля?»

— И все?

— Все.

— А как это... с одобрением?

— Я что-то не понял.

— Ну-ну, вспомни! Повтори его тоном.

Володя помолчал, а затем, подражая голосу Степана Саввича, произнес:

— Без шпиля?

— Ага, значит, он недоволен,— заключил Стремянкин.

— А может, я ошибся... — засомневался Володя. — Неточно воспроизвел?

— Вот-вот! Уточни! А впрочем, дорогой, давай дойдем до горкомхоза. Тут близко. Побеседуем, в общем.

В горкомхозе Стремянкин застал своего заместителя Шмакова и заведующего сектором Талая. Введя их в курс дела, он попросил:

— Ну-ка, Володя, проиграй это еще раз. А Талай со Шмаковым пусть слушают...

— Смешной вы народ, — сказал Володя. — Но коли настаиваете, пожалуйста: «Без шпиля?»

— По-моему, здесь звучит радостное удивление, — заметил Шмаков. — Слава богу, мол, стали без шпилей строить, надоели они...

— Не совсем так, — возразил Талай. — Скорее огорченное недоумение: такое высокое здание, а башенкой и не увенчано...

— Я как-то этого не уловил, — сказал Володя. — Интонация вроде была другой.

— Другой? Ну-ну...

— Без шпиля?

— Во! Теперь я ясно чувствую удивление, переходящее в осуждение.

— Нет, ты не прав, Талай. Это удовлетворение, переходящее в одобрение.

— Неопределенность какая-то. А если он так просто сказал?

— Ты что, с ума сошел? Разве может Степан Саввич сказать «так просто»?

— Тогда лучше всего позвонить ему.

— Зачем звонить? — раздражился Стремянкин. — Что мы, сами ничего не понимаем в архитектуре? Володя, милый, ну-ка повтори еще раз...

ТАЛАНТЫ И ПОДОКОННИКИ

Н. П. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

— Я прочитал у Константина Паустовского, как работали классики. Оказывается, Вольтер писал, опустив ноги непременно в холодную воду; Бальзак во время работы выпивал неимоверное количество кофе, а Чехов все свои лучшие вещи писал на подоконнике.

С тех пор я не знаю покоя. Часами держал ноги в холодной воде, простудился, охрип, но Вольтера из меня не получилось. Пил кофе в количестве, которого хватило бы на двух Бальзаков,— увы! — ничего бальзаковского из-под моего пера не вышло. Сейчас пробую третий способ — чеховский — пишу на подоконнике. Представьте себе, что не только «Дяди Вани» или «Вишневого сада», но хотя бы «Злоумышленника» или «Хирургии» тоже пока не написал. Боюсь, здесь что-то не так. Может быть, у Чехова, кроме подоконника, было еще что-то? Вы не знаете?

Афанасий БЕЛОВ

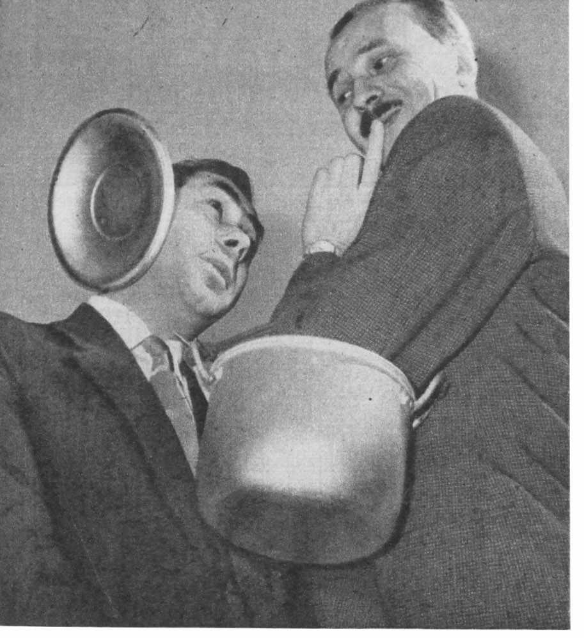
— Я мог бы, конечно, играть Гамлета или Чацкого, но смотреть на это — непосильная работа... для зрителей. Им приятнее наблюдать, как я изображаю бюрократа, взяточника, пройдоху, злого дурака или карьериста. И я с удовольствием их играю. Ведь со временем в жизни таких типов будет все меньше. А когда их совсем не станет, я возьмусь за роль Гамлета. Обещаю!

И еще обещаю больше не писать сценариев.

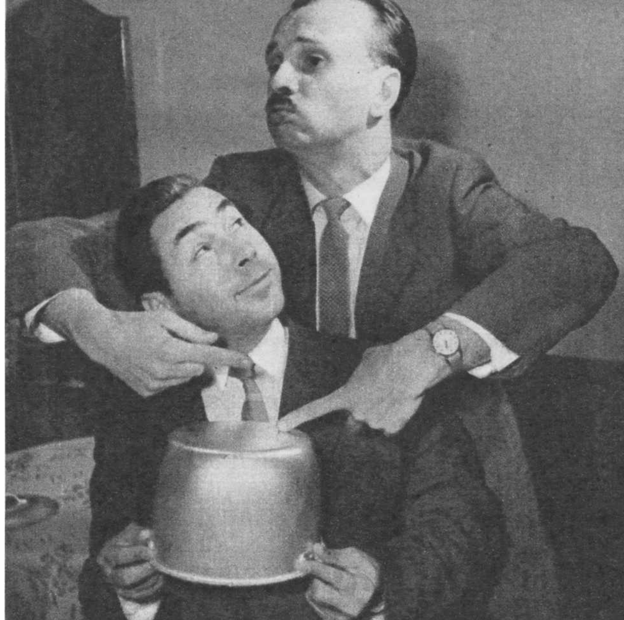
В прошлом году по моему сценарию поставили фильм «У тихой пристани». Но вот что произошло дальше. Журнал «Советский экран» разослал своим читателям анкету с вопросом: какую кинокартину за прошедший год они считают лучшей и какую худшей? И что бы вы думали? При подсчете голосов оказалось: лучшая картина «Судьба человека», а худшая, представьте, моя. Теперь все: дал обет, бросил. В новом году не будет самой плохой кинокартины. А если будет, то уже не по моей вине...

В ДУШЕ Я ГАМЛЕТ

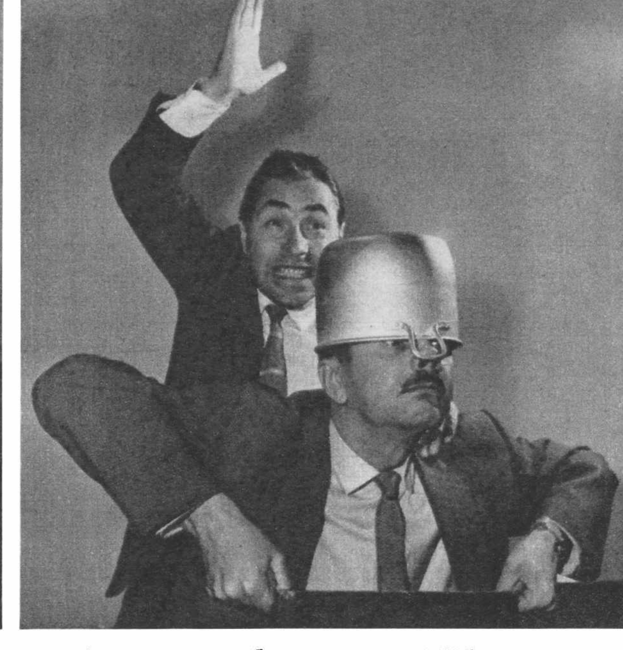

Для сестричек — оригинальная сумочка и клипсы.

Для сынов любимых — барабан.

А троюродным братьям — шлем для мотогонок.

ВЫБОР ПОЭТА

СУДАРШАН

Однажды любимец Солнца и Луны великий махараджа приказал своему министру найти настоящего поэта.

Министр написал указ и разослал по городу глашатаев. На следующий день у дворца собралась толпа — тысяча и один человек. Все в один голос уверяли, что они настоящие поэты. Двадцать один день слушал министр их стихи.

Но кто самый лучший, так и не смог решить. Думал он день, думал два, думал три, а на четвертый день взял лист пергамента и начертал на нем золотой краской имена поэтов — тысячи и одного. Пришел он с этим листом во дворец и показывает махарадже. Удивился махараджа и спрашивает: «Да неужели все они поэты?» Министр с поклоном отвечает: «Я прослушал все их стихи, о повелитель, но оказался не в силах выбрать среди них достойнейшего, поэтому мне и пришлось написать все имена».

Думал махараджа, думал и решил посадить всех поэтов в темницу, подвергнуть пыткам, а народу объявить, что впредь тот, кто дерзнет написать хоть одно двустишие, будет жестоко наказан и удален из города.

Прошло полгода. Пришел как-то махараджа в темницу и приказал обыскать всех поэтов. И что бы вы думали! Из тысячи одного узника сто один продолжали писать стихи, позабыв все ужасы заточения и невыносимые страдания. Они писали ночью, прячась от стражи, не боясь навлечь гнев даже самого махараджи.

«Вот видишь! — сказал махараджа своему министру.— Девятьсот из них не поэты, а честолюбцы. Дай им денег и гони отсюда. Остальных же посели во Дворце Павлинов да смотри, чтобы они ни в чем не нуждались».

Министр так и сделал. И стали поэты щеголять в богатых одеждах, есть изысканные кушанья, дни и ночи проводить в кутежах. А люди горько вздыхали, слушая их болтовню.

Миновало еще полгода. Пришел как-то махараджа с министром во Дворец Павлинов, призвал к себе поэтов и говорит им: «Вы прожили полгода в радости и веселье. Какими же теперь стихами порадуете наш слух?»

Поэты в замешательстве потупились, не зная, что ответить. Только один из них, совсем еще юноша, спокойно глядел в глаза махарадже. Он не кутил вместе со всеми, жил тихо и скромно. Когда другие распивали вино или предавались сну, он в уединении сочинял стихи и пел их вслух, наслаждаясь музыкой.

«Нет, и эти сто тоже не поэты, они бездельники и тунеядцы,— сказал министру великий махараджа.— В темнице, лишенные мирских радостей, они жаловались в стихах на свою горькую участь. А когда стали жить в роскоши, от их поэтического вдохновения не осталось и следа. Высечь их и выгнать вон!»

Когда гнев махараджи поостыл, он жестом показал на юношу: «Этот находит вдохновение и в горе и в радости. Он может слагать стихи и в роковую ночь несчастья и в утро безмятежных радостей, на черной дороге смерти и на светлых берегах жизни. Таковы все истинные поэты. Жить без вдохновения они не могут. Юноша — настоящий поэт. Отныне он будет нашим придворным, а жалованья ему будем платить столько, сколько он сам пожелает. Пусть каждый день приходит во дворец и читает нам по одному двустишию».

Пришел поэт в первый день — прочитал двустишие, пришел и на третий. А на четвертый написал махарадже, что сочинять стихи по его заказу не может: «Я поэт вдохновения, а не раб чьих-либо желаний».

«Какой неблагодарный!» — возмутился молодой министр, сын прежнего. «Нет,— возразил махараджа,— ты не прав, ведь он поэт. Если бы жив был твой отец, мой главный министр, то он поклонился бы ему до земли. Настоящий поэт свободен и слагает свободные песни. Песни рабов поют только рабы. Повелеваем и впредь платить ему жалованье, если даже он не будет являться во дворец».

Изумленный министр молча поклонился.

Перевел с хинди Б. АНДРИАНОВ.

Я ПЕРСОНАЖ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ...

Л. МИРОВ и М. НОВИЦКИЙ

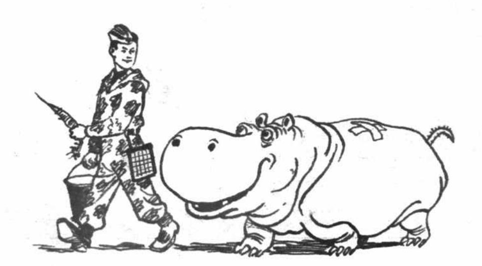
— Послушайте, Новицкий, не так мы с вами работаем, по старинке. А надо по-новому! Осваивать надо!
— Что осваивать?
— Неважно что. Важно устроить шумиху. Сделать так, чтобы о нас заговорили. Взять на себя обязательство.
— Какое обязательство?
— Самое трудное. Ну вот, скажем, к первому числу освоить танец на проволоке.
— Но ведь это очень трудно.
— Не будем бояться трудностей. Возьмем обязательство, пошлем в нашу стенгазету письмо... с двумя фотографическими карточками... Через некоторое время вызовем на соревнование Государственный симфонический оркестр и хор под руководством Свешникова. Пусть и они потанцуют на проволоке.
— Ну, а мы?
— Что мы?
— Как мы-то на этой проволоке танцевать будем?
— Эх, хватились! Мы уже в это время будем заседать в президиумах и обмениваться опытом. У нас даже и времени-то не будет влезать на какую-то там проволоку...
— Что вы предлагаете? Шумиху? Очковтирательство? Обман? Как вам не стыдно!
— Вы меня не стыдите. Я персонаж отрицательный. Если я занимаюсь очковтирательством, беру на себя невыполнимые обязательства, строю свою карьеру на одной шумихе, так у меня роль такая. А вот почему некоторые другие стремятся поступать таким образом? А?!

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Сергей БАРУЗДИН

Рисунки Е. Ведерникова.

Сложное поручение

В годы войны был у меня товарищ. Мы шутя его называли Звероводом. Это потому, что по профессии он зоотехник, работал раньше в зверосовхозе. Ну, а на фронте, в нашем артиллерийском дивизионе, он был разведчиком. Очень гордился наш Зверовод своей военной профессией. И верно, лихим разведчиком он был!

Мы стояли на окраине большого немецкого города, когда нашего Зверовода неожиданно вызвал к себе командир дивизиона.

— Вы были до войны зоотехником? — с ходу спросил он.

— Так точно!

— И работали в зверосовхозе?

— Так точно! Выращивал соболей и серебристых лисиц.

— Отлично! — сказал командир.— Берите мою машину и немедленно отправляйтесь к коменданту города. Он вас ждет.

Ничего не понимая, Зверовод спросил:

— А разрешите узнать, товарищ майор, зачем?

— Там узнаете,— сказал майор, сдерживая улыбку.— Торопитесь!

Прибыл Зверовод к коменданту города — молодому подполковнику.

Комендант задал ему те же самые вопросы, а потом сказал:

— Очень хорошо. Есть сложное поручение. Немедленно отправляйтесь в зверинец и берите бразды правления в свои руки. Я подписываю приказ о вашем назначении комендантом зверинца. Даю в ваше распоряжение роту солдат. Обеспечьте животных едой, накормите всех до одного, а то они кричат там с голоду. Немцы их уж дня четыре не кормили. И еще одно, самое трудное. Там есть бегемот. Его ранило осколком в спину. Надо немедленно оказать ему помощь...

— Но простите! — взмолился Зверовод.— Я же зоотехником был, с лисами дело имел, но никогда...

— Я до войны тоже никогда не был комендантом города,— перебил его подполковник.— Музыку преподавал в школе. А сейчас приходится. Выполняйте! И в случае чего беспокойте меня. Смотрите, чтобы ни одна зверюга не пропала!

Хочешь не хочешь, а приказ пришлось выполнять. Явился Зверовод на место новой службы и ужаснулся. Хоть и небольшой зверинец, а хлопот в нем полон рот. Тигр, два медведя, обезьяны, птицы — все ревут и галдят наперебой: еды просят. В бассейне голодные тюлени мечутся. Испуганные олени и горные козлы по дорожкам зверинца бегают. А тут еще бегемот! Плавает бедняга в воде, вздымая волны, и от боли орет так, что хоть уши затыкай.

Принялся Зверовод за работу. Сначала самое сложное сделали: накинули на бегемота канат, зацепили, потащили его к решетке и тут связали. Теперь можно и рану промыть, залить ее йодом да наложить швы. Рана не очень серьезная, а кожа у бегемота толстая — заживет!

Пока одни солдаты возились с бегемотом, другие ловили разбежавшихся животных да корм для них доставали. Приближался вечер. Насытившиеся звери немного успокоились.

Настал час нашего отъезда. Зверовод, обрадованный тем, что справился с порученным заданием, прибежал к коменданту города.

Александр ГОВОРОВ

Топор

Раз,
два.
Раз,
два.
Рублю
дрова.
Тяжелую плаху
разваливаю
с маху.
Трах!
Еще разок
махну.
Ухх!
Теперь
и отдохну.

Мечты Алёнки

Купили
к именинам
швейную машину,
красивую,
блестящую...
А мне бы —
настоящую.

Лодырь

(Шутка)

Ай, чи-чи,
чи-чи,
чи-чи.
Сидит деда
на печи.
Просо
моло́тит:
лодыря
коло́тит.
— Тук-тук,
тук-тук.
Раздается стук.
Лодырь
спрятался в сундук.
Мы его и там
тук-тук.

Г. ЦЫФЕРОВ

Светофор — фокусник

На моей улице висит светофор. Когда дует ветер, светофор качается и заглядывает ко мне в окно.

Светофору хорошо... Он фокусник. У него красный, зеленый и желтый глаз. Каким хочет, таким и смотрит на все.

Если светофору, например, грустно, он смотрит желтым глазом... Желтые деревья. Желтая осень.

Если же, наоборот, ему ве-

— Разрешите, товарищ подполковник, ехать со своими? — попросил он.

— Нет! Так дело не пойдет,— сказал комендант.— Оставайтесь на месте до тех пор, пока мы не найдем сведущих в зверином деле людей. Я уже послал запрос. А потом вы догоните своих.

— Да понимаете,— взмолился Зверовод,— стыдно мне! Этот бегемот за мною неотступно ходит, ну как поросенок какой. Ребята смеются. Ведь я разведчик все же, а тут бегемот.

— Ничего! — улыбнулся комендант.— Придется потерпеть. Выполняйте!

Так мы и уехали без нашего Зверовода. А догнал он нас лишь через две недели возле Эльбы.

Первым делом явился к командиру дивизиона.

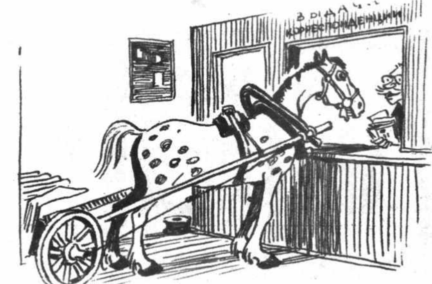
— Разрешите доложить, товарищ майор! Ваш приказ выполнен. Зверинец в полном порядке. Потерь нет. Бегемот здоров!

— Благодарю за службу! — весело сказал командир.

— Служу Советскому Союзу! — ответил наш товарищ.

С того дня так и стали мы звать нашего Зверовода комендантом бегемота.

Необычный почтальон

По дороге в деревню Озерки мы нагнали бричку. Но, к нашему удивлению, седока в ней не было.

Мы вылезли из машины. Я остановил лошадь. Она беспрекословно послушалась, стала на дороге. Мы заглянули в бричку. К сиденью привязан мешок. В нем оказались газеты и письма.

— Странно! — сказал мой приятель.— Бричка почтовая, а где почтальон?

— В том-то и дело!

Пока мы рассуждали, лошадь стояла. Но вот она увидела, что мы возвращаемся к машине, и двинулась в путь.

— Поедем потихоньку за ней и посмотрим,— предложил мой приятель.

До Озерков было еще километра два. Мы продолжали медленно двигаться вслед за бричкой. Лошадь спокойно трусила по дороге, лишь изредка замедляя шаг и оглядываясь в нашу сторону.

Наконец мы въехали в село. Лошадь свернула с дороги и остановилась возле второй избы. Мы тоже остановились. В это время из калитки вышел старичок, привязал лошадь к столбу и стал снимать мешок.

Заметив нас, он спросил:

— Любопытствуете?

— Да не просто любопытствуем,— сказал я.— Удивляемся. Может, случилось что с почтальоном?

— А чему ж тут случиться? — хитро засмеялся старик.— Вот она и есть наша почтальонша, Марья Иванна, а попросту Машка! — И он похлопал лошадь.— Дорога у нас до почты близкая, ей известная. А там ее уже все знают. Вот она и бегает туда-сюда.

Мы весело переглянулись.

— А всурьез-то говорить, прямо беда с этими почтарскими делами,— пожаловался старик.— Молодые не идут нынче в почтальоны и верно делают. Что за работа: три версты туда да три обратно. И никакого интересу, не говоря уж о работе. А я на пенсию вышел, вот по старой привычке и несу почтарские обязанности. Да Марья Иванна помогает! Недостаток у нее, верно, есть один — неграмотная! Расписываться не может. Когда там посылки есть или переводы на деньги, мне самому приходится. А так справляется! Ладно работает!

село, светофор смотрит красным глазом... Красное солнышко. Красное утро.

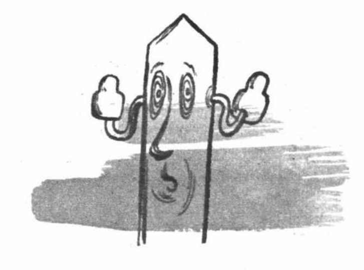
Когда же светофору и не грустно и не весело, а просто так, радостно, он открывает зеленый глаз... Зеленые деревья. Зеленое лето.

Я часто думаю о светофоре. Почему-то мне кажется, он, молча, про себя, сочиняет веселые сказки. Смотрит, наверное, белой зимой зеленым глазом и сочиняет голым деревьям сказку о зеленом лесе... И деревьям теплей.

Деревья

Я люблю цветы, траву.

Но больше всего я люблю деревья... Деревья умеют молчать, деревья умеют слушать. Молчать и слушать не так уж легко. Ведь когда кто-

нибудь говорит, обязательно хочется вставить словечко.

Но деревья никогда не перебивают. Они стоят и слушают. Слушают шум дождей. Пение птиц, свист ветра.

Если ты захочешь рассказать что-нибудь деревьям, деревья тоже тебя выслушают.

Вот столб — другое дело. Столб никого и ничего не хочет слушать. «У-у-у»,— гудит он весь день, чем-то недовольный. «Ску-у-у-чно».

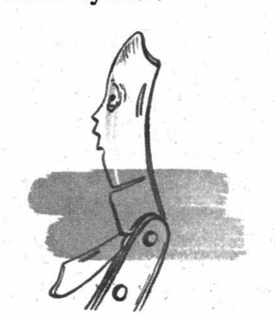
Что будешь говорить такому столбу? Ничего. И незачем... Ску-у-у-чно.

Ф. КРИВИН

Нож

Нож о камень точат,
Нож визжит — не хочет,
Нож все больше злится:
«Проживу и так!
Не хочу точиться!»
Вот чудак!

Он понять не может,
Этот глупый ножик,
Что ему, капризе,
Мы добра хотим.
Это очень просто:
Станет ножик острым —
Очень плохо в жизни
Быть тупым.

Рисунки И. Оффенгендена.

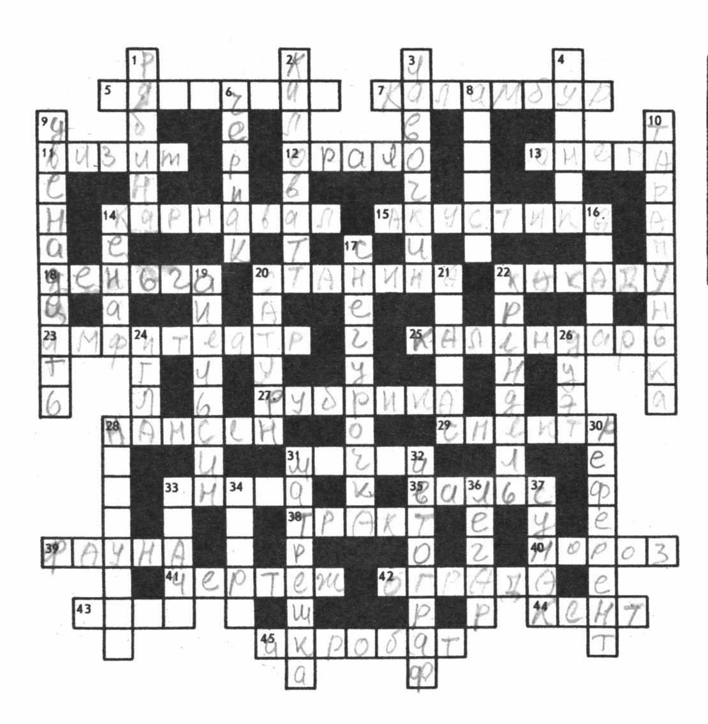

Ирмони ИСАКОВ

Спорили однажды дети,
Во дворе сойдясь в кружок:
— Что красней всего на свете?
Закричал Бирор:
— Флажок!
— Эй, послушайте скорее,—
Растолкал Шемет дружков,—
Ведь еще, еще краснее
Десять маленьких флажков!

Перевел с татарского Я. АКИМ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Персонаж рассказа А. П. Чехова «Мошенники поневоле». 7. Игра слов. 11. Официальное посещение. 12. Старинное название сохи. 13. Река в Архангельской области. 14. Народное гулянье. 15. Учение о звуке. 18. Русская серебряная монета XIV—XVIII веков. 20. Часть машины. 22. Попугай. 23. Места в зрительном зале. 25. Летосчисление. 27. Заголовок раздела в газете, журнале. 28. Норвежский исследователь Арктики. 29. Цветная полоса, получаемая при разложении светового луча. 31. Название первой космической ракеты. 33. Залив Охотского моря. 35. Танец. 38. Большая проезжая дорога. 39. Животный мир. 40. Холод. 41. Графическое изображение. 42. Решетка, забор. 43. Музыкальный инструмент. 44. Американский художник. 45. Артист цирка.

По вертикали:

1. Народная песня. 2. Единица мощности. 3. Советский авиаконструктор. 4. Мыс в Антарктиде. 6. Ковш машины для выемки грунта. 8. Новый город на Дальнем Востоке. 9. Поэма А. Блока. 10. Псевдоним артиста эстрады. 14. Лубяное растение. 16. Наступление. 17. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 19. Цитрусовый плод. 20. Планета. 21. Ползающая рыба. 22. Булочное изделие. 24. Лист хвойного дерева. 26. Ансамбль. 28. Искусственный химический элемент. 30. Докладчик, консультант. 31. Игрушка. 32. Собственноручная надпись. 33. Потухший вулкан на Камчатке. 34. Озеро в Финляндии. 36. Автор популярных оперетт. 37. Перуанская певица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали:

3. Щеголев. 6 Монако. 7. Церера. 9. Нерль. 10. Комизм. 12. Братск. 14. Осьмина. 15. Пашенная. 16. Запевала. 17. Тире. 19. Кабарга. 22. Ашуг. 24. Обер. 26. Эльба. 27. «Соть». 28. Бухгалтер. 29. Диван. 30. Визир.

По вертикали:

1. Теркин. 2. Метель. 4. Достижение. 5. Хризантема. 8. «Трембита». 10. Куранты. 11. Мозаика. 12. Балаган. 13. Коллега. 18. «Рубин». 20. Белугин. 21. «Рыболов». 23. Шутка. 25. Рябчик. 27. Сервиз.

На обложке: Молодежный бал.

Фото Дм. Бальтерманца.

К этому номеру прилагается табель-календарь на 1961 год.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление И. Долгополова.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 11157. Подписано к печати 27/XII 1960 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 720 000. Изд. № 2 Заказ 3550.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.

ПЕРВЫЕ МАРКИ 1961 ГОДА

1 января 1961 года открывается новая страница в истории советской филателии. В связи с изменением масштаба цен Министерство связи СССР вводит в обращение новые почтовые марки, маркированные конверты и открытки. До сих пор в обращении находились девять стандартных выпусков почтовых знаков. Сейчас вышла массовая серия — «Десятый стандартный выпуск марок СССР».

В ней семь номиналов: 1, 2, 3, 4, 6, 10 и 16 копеек. Старейший мастер «марочной» графики Василий Васильевич Завьялов оригинально оформил новую серию. Каждый сюжет заключен в орбиту, по которой совершает свой стремительный бег первый в мире искусственный спутник Земли.

М. МИЛЬКИН

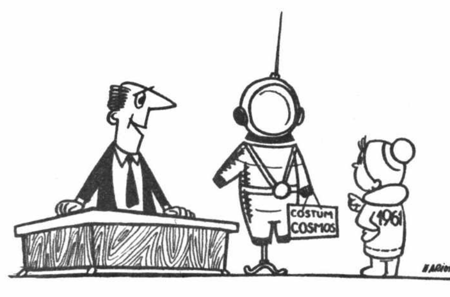
ТА ЖЕ СИЛА

Борис ТИМОФЕЕВ

По мотивам индийского народного творчества

Старик расхвастался: «Я в той же силе,
Что сорок лет назад...»
Его спросили:
«Чем это доказать?»
«Поверьте, не солгу:
Тот камень я поднять не мог и в двадцать,
Теперь мне шестьдесят, но я, признаться,
Его поднять все так же не могу!..»

НАШИ ГОСТИ

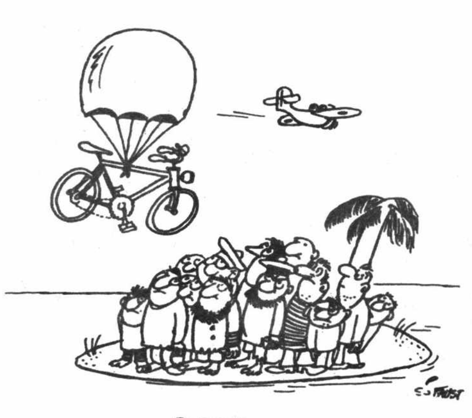
— Может быть, вы возьмете на всякий случай костюм для полета в космос?

Рисунок Н. Ариона. Бухарест.

Новогодний подарок капиталиста.
— Мистер Смит приказал поставить вам скамейку.

Рисунок Ц. Нервиньского. Варшава.

Спасли...

Рисунок А. Фауста. Кельн.

Зимние моды всегда несколько скромнее летних в линиях и в цвете.

Что же примечательного в зимней моде 1961 года?

Отказ от громоздких воротников, слишком широких юбок, слишком больших манжет и других «излишеств».

Быть хорошо одетым — не значит иметь много вещей,— важно, чтобы они сочетались друг с другом в цвете и форме.

Художники - модельеры предлагают пальто и юбки шить из одной и той же ткани — это нарядно и элегантно.

Современные пальто делают прямыми, не длинными. Рукава могут быть цельнокроенными или втачными, но ни в коем случае не слишком длинными. Маленький воротник несколько отстает от шеи. Большое внимание уделяется расположению пуговиц.

Материю для пальто лучше выбрать мягкую, пушистую, очень модна клетчатая. На гладких тканях красиво выглядит строчка; в виде отделки употребляется и трикотаж ручной вязки.

Рисунки И. Голиковой

— Ну...

— Будем здоровы!

Рисунок Н. Кобара. Бухарест.

— Мы не позволим неграм командовать в Африке, мы сами специалисты по черным делам.

Рисунок Г. Кречмара. Берлин.

ЯНВАРЬ 1961

1

1 $ = 90 КОПЕЕК

Доллар:— Год начинается плохо...

Рисунок Рауля Вердини. Рим.

2 3

В пальто спортивного типа возможны хлястик, кожаные пуговицы, кожаный пояс в цвет сумки и обуви.

Высокие, иногда меховые шляпы, похожие на папахи, завершают зимний туалет.

Платье для работы хорошо сшить из плотной ткани, прямое, без воротника, мягко подхваченное пояском, его можно отделать трикотажем ручной вязки.

По-прежнему модны платья с жакетами. Открытое платье и глухой жакет дают возможность варьировать этот костюм, делать его вечерним и дневным.

Модными цветами можно считать белый, черный, серый, синий, много оттенков желтого и бежевого, целая гамма голубых, несколько приглушенных, большое разнообразие красных. Вообще легче сказать, что немодно: ядовито-лиловый и бордо.

Очень удобны всевозможные юбки с джемперами или жилетами самой различной длины. Красивы для вечера нарядные платья с драпировкой.

У нас в стране над созданием моды работают большие коллективы в разных городах. И общие тенденции моды строятся на наиболее интересных предложениях различных Домов моделей.

На недавнем Всесоюзном показе в Москве было немало таких предложений. Великолепную группу разумно и хорошо продуманной современной верхней спецодежды показал Рижский Дом моделей. Неожиданно использованы у рижан пропитанные (непромокаемые) ткани с интересным набивным рисунком.

Общим восхищением были встречены нарядные платья Ташкентского Дома моделей, сделанные из старинной узбекской национальной ткани — хан-атлас...

В Москве в Центральном выставочном зале открывается Всесоюзная выставка текстильных товаров, на которой будет представлено, несомненно, и все лучшее из того, что создаем ежедневно для вас, женщин, мы, художники-модельеры.

А. ЛЕВАШОВА,
художник Общесоюзного Дома моделей.

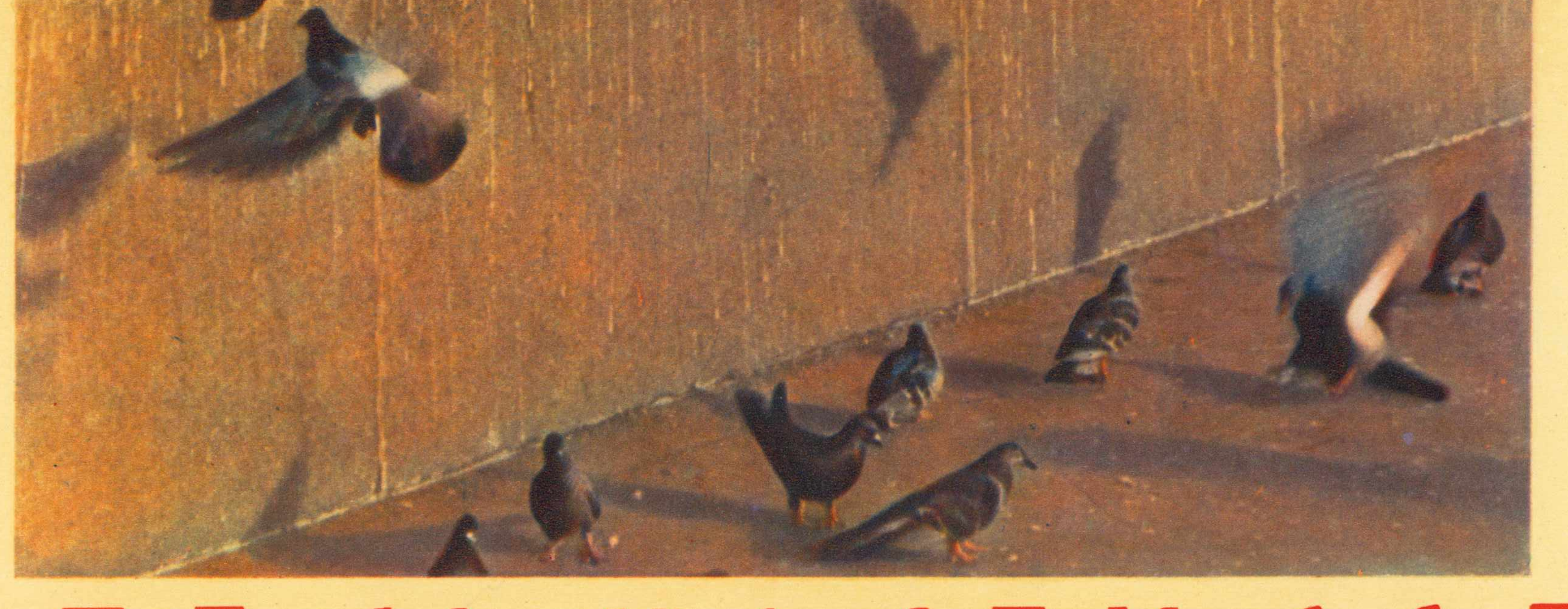
1. Рига. Тканая юбка со свитером.
2. Ташкент. Платье из хан-атласа.
3. Рига. Пальто с низким хлястиком.
4. Рига. Пальто из пропитки с искусственным мехом.
5—6. Общесоюзный Дом моделей. Платье для работы и пальто из пледовой клетки с отделкой из трикотажа.

4 5 6

ОГОНЁК

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
Понедельник	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Вторник	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Среда	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Четверг	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Пятница	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Суббота	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Воскресенье	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25

Дни недели	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Понедельник	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Вторник	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Среда	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Четверг	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Пятница	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Суббота	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Воскресенье	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31

1 ЯНВАРЯ — Новогодний праздник, 1—2 МАЯ — День международной солидарности трудящихся, 7—8 НОЯБРЯ — 44 года Великой Октябрьской социалистической революции
5 ДЕКАБРЯ — День Конституции СССР.